

Н.В. ЗАХАРОВ

АВАНТЮРИСТЫ

КНИГА ПЯТАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Анна Ермолаева
Авантюристы. Книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43623181

SelfPub; 2019

Аннотация

Повествованием охвачены события века 20-го /лихого/ для нашего Отечества и не менее /лихих/ предыдущих и последующих веков. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	42
Глава 4	67
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Глава 1

Вена после грозы похорошела и даже извозчики, рассекая лужи, довольно улыбались и конфликтных ситуаций умудрялись не допускать, будто дождь промыл не только стены и булыжники, но и души людей. Ощущение праздника дополнялось количеством горожан высыпавших на улицы. Тротуары были полны. Народ валил, конечно же, по своим, прерванному дождем делам, а их накопилось за пару часов очевидно столько, что вся Вена, похоже, торопилась наверстать упущенное время.

Толчея на перекрестках и в узких местах несколько задержала парней и они прибыли к дому Франкенберга час спустя, после того как выехали.

Переулок Эшенбахгассе был также оживлен и Михаил с Сергеем прошли к угловому дому, ведя лошадей в поводу. Нужный им подъезд оказался распахнут и в него постоянно входили и выходили какие-то люди с поклажей и без. Похоже, что кто-то здесь переезжал. Несколько грузчиков спускали по широкой лестнице рояль с третьего этажа, зачехленный и перетянутый ремнями. Четверо работяг суетились, стараясь не задевать перил и стен. Впереди скакал по ступенькам господин во фраке, очевидно владелец рояля и жалобным голосом причитал:

– Ради всего святого осторожнее. Господа, – это «Зайлер»,

господа, у него фусклец деликатный. Левее примите, ох фустор свернете. Ну, куда же куда? На меня. Аграф, о-о-о, он латунный, господа, вы его согнете,— рабочие кряхтели под тяжестью инструмента и косились на координатора движения, скалясь впрочем, вполне благодушно. Для них было все равно, что тащить хоть Зайлера, хоть сундук с дровами. У входа на лестницу, в ожидании, когда освободится проход, замерло несколько работяг, тихо переговаривающихся между собой.

— Кто переезжает?— полюбопытствовал Сергей, дернув за рукав одного из них и подмигнув панибратски. Рабочему, однако, эта фамильярность не понравилась, и он довольно недоброжелательно ответил, отодвигаясь от Сергея:

— Кому надо, тот и переезжает, нечего тут,— лицо при этом у парня сделалось кислым и недовольным. Потрогав себя за щеку, он добавил, отворачиваясь.— Без распросчиков тут тошно.

— Серега, отстань от мужика, у него зуб прихватило, застудил вчера ночью, когда с пятого этажа по трубе водосточной полз от подруги, а сверху в него муж подружки сковородки метал. Это у него на нервной почве. Муж, кстати, грозился пристрелить в следующий раз парня, так что настроение у него действительно паскудное, дальше некуда. Еще и с именем парню не подфартило. Авелем родители назвали. А ты помнишь, что с первым приключилось? Мочканул его братец Каин. Подкараулил в чистом поле и... — вмешался Михаил.

– Читал,– Сергей хлопнул по плечу горе-любовника.– Извини, брат. Я смотрю, в Вене самый короткий анекдот.– «Еврей – грузчик», обычное дело и не анекдот вовсе,– А Авель из века 19-го, забыв про зубную боль, уставился печально и чуточку ошеломленно на Михаила, пытаясь вспомнить знакомо ли ему его лицо. Вспомнить не смог, поэтому спросил без обиняков, совсем не по-еврейски.

– Откуда знаете про мои ночные похождения, герр офицер?

– Так вся Вена с самого утра только про это и судачит,– не моргнув глазом, выдал Михаил первую попавшуюся версию.

– Ну да?– работяга-еврей, принялся скрести небритую щеку, потом подергал себя за вислый нос, проверяя очевидно его наличие и в заключение всех этих проявлений умственных усилий организма, сплюнул:

– Вранье полное. Я никому не рассказывал.

– Может муж раззвонил?– предположил Сергей.– Мстит за рога.

– Этот? Нет, он не станет. Зачем ему? Он будет караулить теперь,– вздохнул Авель и так это тоскливо, что, пожалуй и Шекспировский Ромео позавидовал бы.

– Ты думаешь, он целый день в засаде сидеть будет?– удивился Сергей.

– Нет, днем этот рогоносец в своей лавке сидит. Клопьяра,– буркнул Авель.

– А жена его рядом с ним?

– Жена его дома сидит, как и положено. Чего ей в лавке делать?

– Так и чего ты тогда нос повесил? Переходи на дневной график.

– А жить на что? Днем вон...– Авель кивнул в сторону лестничных ступенек, по которым черепашьями темпами продолжалось перемещение рояля.

– Устройся на ночную работу, сторожем например,– посоветовал Сергей.

– Кто меня еврея возьмет сторожем?– удивленно приподнял брови Авель.– Это только для немцев.

– Дискриминация значит по профессиям?– посочувствовал Михаил. Авель уныло кивнул:

– Швабы везде сидят. Нам ходу нет.

– Что же евреев совсем зажиточных в Вене нет, кому сторожа нужны?

– Есть, как не быть? Вон хоть семейка Ротшильдов. Хорошо пристроилась. Отхватила подряд трамвайный, весь город перерыла.

– Вот и наймись к Ротшильдам.

– Сейчас. Ждут они меня там. Приду и на шею бросятся всей семьей. Они швабов предпочитают нанимать. Они белая кость, а я кто?

– А ты – Авель. Что само по себе обязывает. Парень, ты что? С таким именем библейским и такая низкая самооценка,– попытался подбодрить грузчика Сергей.

– Что имя? Звук пустой,— вдруг выдал Авель почти по Шекспиру, опять дергая себя за нос.

– Ну, не скажи. Имя — это, брат, очень важно. Просто ты заикнулся на том, что оно у тебя олицетворение неудачника и жертвы, а на самом деле это совсем не так. Авель-то был счастливчиком по жизни. Его Бог отметил, а Каин из зависти на него восстал. Так что умер-то он плохо, а жил-то хорошо.

– Ну да?— заинтересовался Авель.

– Точно. А иначе чего бы Каину на него прыгать-то было? Ясно, что из зависти угрохал. «Жаба» его душила козла. Так что, живи и радуйся. Зуб болеть перестал?

– Перестал,— вспомнил Авель о зубе переставшем ныть.

– Вот, уже есть причина для радости. И таких причин у тебя сотни. Глаза видят, уши слышат, ноги ходят, женщины любят, аппетит отменный и вон из носа не течет, значит, здоровьем Бог не обидел, раз грузчиком тут пашешь. Радуйся, тому что есть, а не страдай, от того чего нет.

Авель, впервые взглянувший на себя со стороны, даже улыбнулся слегка, приподняв уголки губ, привычно опущенные вниз.

– Ну, вот уже оптимизм во взгляде появился,— продолжал поднимать его самооценку Сергей.— Посмотри по сторонам, Авель. Лето, солнышко на небе, радуга вон какая и ты молодой, сильный. Вся жизнь впереди. Смотри веселей и жизнь изменится. Встретишь красивую и порядочную девушку, женишься и заведешь с ней детишек. Заживешь счастливой, се-

мейной жизнью, Авель, улыбнись.

— Красивую и порядочную?— Авель с сомнением покачал головой, очевидно два этих качества одновременно, в одной девушке встречать ему пока не доводилось, и он сомневался, что доведется.

— Сомневаешься? Зря. Оглянись по сторонам, таких девушек очень много и твоя может быть сейчас идет где-то по городу и ищет тебя, а ты тут торчишь. Так и счастье проворишь. Пройдет мимо, будешь потом локти кусать, если лавочник не пристрелит прямо на трубе водосточной,— заливался «соловьем» Сергей. И слова его упали на измученную одиночеством душу Авеля, как капли дождя на растрескавшуюся иссохшую почву. Он оглянулся в сторону выхода на улицу и даже к окну, засиженному мухами, подошел, чтобы убедиться, что там, в переулке есть прохожие и половина из них женщины.

— Эй, Натан, у меня тут дело срочное образовалось,— крикнул он, очевидно, старшему грузчику и, не дожидаясь ответа, выскочил на поиски «красивой и порядочной».

— Чего взбаламутили парня?— проворчал Натан недовольно.— Пришли, наплели Бог знает что, а этот олух ухи развесил,— мужчина он был уже поживший и видать «воробей стреляный», про таких в народе говорят,— «на мякине не проведешь».

— Натан, дорогой, ты не прав. Посмотри вокруг,— Сергей принялся за «бугра» с нерастраченным энтузиазмом.

– Чего глядеть-то? Свинство кругом одно и грязь. Грязь и скотство. Скотство и подлость. Подлость и беззаконие. Беззаконие и свинство,— описал Натан полный круг, начав и закончив «свинством».

– Свинство, грязь, скотство, подлость, беззаконие?— повторил Сергей жизненную позицию Натана. Тот даже кивать не стал в ответ и отвернулся, давая понять насколько ему вообще не интересен собеседник, «повисший без спросу на ушах». Если бы не офицерский мундир, то Натан добавил бы кой-чего еще, более резкое, но благоразумно удержал язык от более скабрёзных эпитетов.

– Мне жаль тебя, Натан. Ты несчастный человек. А ведь еще вполне себе ничего местами. Представительный, лоб высокий, глаза умные, а несешь полную бредятину, которую в пору озвучивать какомунибудь каторжанину в начале пожизненного срока. Или в тебя тоже ночью сковородками швырялись?

Натан, парень крупногабаритный, с лицом в бороде, низким лбом и огромными ушами, услышав про себя впервые такое мнение постороннего человека, так удивился, что даже повернулся непроизвольно, чтобы убедиться верно ли он услышал или этот офицерик, смеется над ним. Повернулся и уставился близко-посаженными глазками в лицо Сергею, пытаясь понять по нему, шутит парень или говорит искренне.

– Что смотришь? У любого спроси и тебе скажут, что ты

представительный, красивый мужчина. Мачо, как испанцы говорят. Вот хоть его,— Сергей дернул за рукав еще одного грузчика-еврея, тоже средних лет, но комплекцией пожиже Натана и со лбом повыше, но тоже с бородой и уже местами подбитой сединой.— Скажи, не кривя душой, как ты считаешь — Натан представительный мужчина?— Сергей даже приобнял грузчика за плечи и потряс дружески. Грузчик, лязгнув от неожиданности пару раз зубами, начал было вырываться, но поняв, что это ему вряд ли удастся, обреченно согласился.

— Я буду спорить?

— Слышал, Натан? Людям со стороны видней. Так, что за пессимизм? Ты же наверняка уже семейный человек и ребятишки наверняка есть?

— Ну,— насторожился Натан, в ожидании подвоха.

— Так есть или нет?

— Ну, есть четверо и что?

— Только не говори, что ты их воспитываешь свиньями, скотами и подлецами,— Сергей заманивал Натана в ловушку, а тот пер в нее носорогом.

— Нет, я их воспитываю нормальными чтобы были,— открестился он от изуверства над детскими душами.

— Значит, любишь их. А ты говоришь одно свинство кругом. Натан, ты придешь сегодня с работы и принесешь детишкам гостинцы, а они будут прыгать вокруг и радоваться. Улыбнись, Натан.

И Натан не удержавшись, расплылся в счастливой улыбке. Лицо грузчика, зарабатывающего на жизнь тяжелым трудом и знающего по чем каждый грош, забывшего в борьбе за существование, как это улыбаться, изменилось совершенно. Перед Сергеем стоял совсем другой человек. Разгладились морщинки недоверия и уныния, и появились новые, непривычные для этого лица – радости и счастья.

А тем временем рояль медленно сползавший с площадки третьего этажа и зависший над последней ступенькой, под чутким руководством господина во фраке, уже готов был выскользнуть из тисков стены и перил и, выйдя на оперативный простор, успокоить его своей целостностью, до следующего спуска. Грузчики очень старались, пот лил с них в три ручья и они, стиснув зубы, волокли музыкального монстра последние эти сантиметры, мечтая о передышке на площадке второго. Беда, как ей и положено, пришла внезапно и откуда ее никто не ждет, т.е. сзади. Выглядела «беда» вполне ординарно, в шляпе-цилиндре, натянутом по самый нос, в длинном сюртуке, застегнутом впопыхах с перекосом на одну пуговицу и с огромным саквояжем в руках. Если бы она не орала, – «посторонись, дай пройти», – то никакая в общем-то и не «беда», так себе – легкое недоразумение максимально, на что ЭТО могло потянуть. Но она не только орала, но и ждать не желала, поэтому – «беда». «Беда», ткнувшись в перекрывший проход рояль и прыгнула на его зачехленный верх, решив преодолеть препятствие лихим броском, приво-

дя в ужас господина во фраке. Тот всплеснул руками и закрыл ладонями глаза. А «беда» с саквояжем, как и положено «беде», не рассчитав своих сил, зацепилась за край музыкального монстра и, упав на него животом, размазала по стенам и перилам перепуганных грузчиков, бросивших ремни. Монстр взвизгнул «футорами, аграфами и фусклецами», пересек в одну секунду площадку второго этажа и, прыгнув на ступеньки, понесся по последнему маршу, отшвырнув с дороги господина во фраке. Лязгая и гремя, рояль пролетел вполне благополучно до середины, но потом его перекосило и он, ломая опорные ножки, сгибая аграф и коверкая футор, вышвырнул, как норовистый конь неопытного наездника – «беду» со своей спины. Человек с саквояжем, пролетев метров пять, удачно приземлился у выхода на улицу и выскочил, захлопнув за собой дверь.

– О-о-о, мой Б-о-о-о-г!!!– выл, сидящий на площадке, сбитый «бедой» и «Зайлером», господин во фраке, остальные ошеломленно молчали. Все случилось в течении 3-х, 5-ти секунд и хлопнувшая дверь входная, отсекая подъезд от уличного шума, еще продолжала гудеть.

Первым опомнился «бугор» Натан и не потому, что он тут руководил всеми, а потому что был самым любопытным. Именно он кинулся к входным дверям и обнаружил, что их снаружи основательно чем-то подперли. «Беда», очевидно, не слыхала русскую народную поговорку.– «Пришла беда – отворяй ворота», поступив, как раз наоборот.

— Ну, не свинство?— Натан пинал заблокированную, массивную дверь.— Ну, не скотство?— вопросы были, конечно же, риторическими и никто на них отвечать не стал. Только рояль жалобно потренькивал своими внутренностями и подвывал ему в унисон, господин во фраке.

Михаил уже было собрался щелкнуть пальцами, чтобы разблокировать припертую «бедой» дверь, но тут на площадке третьего этаж появились новые действующие лица, в количестве трех человек. Они тоже спешили и тоже выглядели вполне обыкновенно. Все в одинаковых полицейских мундирах. Даже не взглянув на сидящего и воющего господина во фраке, они деловито перелезли через рояль, гремя по нему каблуками и эфесами шпаг, окончательно сгибая в дугу аграф. Один из них при этом орал истошно: — Держи жид!— и размахивал над головой, обнаженной шпагой. Бежал он, как и положено командиру последним, поэтому последним и полез на «Зайлера», который не выдержав доставшихся на его долю унижений, решил отомстить нечестивцам, посмеявшим осквернить подошвами его благородные, полированный поверхности. «Зайлер», крикнул, гуднул басом и присел, подгибая под себя все что возможно. Полицейские, не ожидавшие такого коварства от монументального на вид инструмента, полетели по ступеням, пересчитывая их ребрами и затылками. Шпага из руки их начальника вылетела при падении и, свистнув в воздухе, вонзилась во входную дверь, рядом с головой, замершего там изумленно Натана.

Шпага раскачивалась и «бугор» смотрел на нее, как кролик на удава, с дрожью понимая, что он только что чудом избежал нелепой смерти. А троица служивых, вскочив на ноги, совершенно целые и невредимые, будто ребра и затылки у них гуттаперчевые, помчались дальше и все трое, тараном врзались во входную дверь, снося с ног Натана и полотно с петель. Так все вчетвером и вылетели, сплетясь в одно целое, на булыжники переулка Эшенбахгассе, приведя в восторг местных мальчишек, сбегавшихся со всех сторон. Полицейские злобно озирались, а их начальник пытался выдернуть глубоко увязшее лезвие шпаги, вцепившись в рукоять обеими руками. Наконец это ему удалось и даже очень, потому что руки по инерции сделали мах, и лезвие шпаги свистнуло над головами подчиненных, приводя их в почтительный трепет.

— Что расселись, как на именинах?— заорал на них старший, видимо инспектор.— Где Жид? Ты... туда, а ты... туда,— и его подчиненные захромали в разные стороны, демонстрируя активность и то, что все же не гуттаперчевые у них задницы, а скелеты не резиновые. Инспектор, оставшийся на месте, цыкнул на мальчишек и те разочарованно разбежались, поняв, что ничего больше интересного не будет, а зря, потому что все только начиналось и этот день надолго остался в памяти счастливых, оказавшихся в переулке Эйшенбахгассе в это время.

С третьего этажа народ повалил, как из театра после окон-

чания спектакля. Целая толпа, возбужденных до крайности мужчин и женщин, торопливо отсчитывала ступеньки, учтиво приподнимая цилиндры, пробегая мимо сидящего на площадке господина во фраке. Тот уже почти смирился с постигшим его несчастьем и выть прекратил, тихо сморкаясь в кружевной платок невероятных размеров. Рядом с ним топтались работяги, которые продолжали наивно надеяться, что им все же заплатят хоть что-то.

– Добрый день, герр Лист, – поприветствовал его пробегающий мимо первый господин с лохматыми бровями и усами «аля Франц-Иосиф». – Как дела, Ференц? Как ваши рапсодии? Это ваш рояль? Какого черта вы законопатили им проход? – усатый ткнул коленом в откляченный «форбаум» и рояль послушно сполз до самого низа, уткнувшись изломанными «фусклецами» в последнюю ступеньку.

– Уйду в монастырь! – заорал Лист Ференц. – Будь проклято все! Нет правды на Земле и нет ее нигде!

– Герр Лист, что с вами? Вы такой сегодня бледный. Что сочиняете? – кинулся к композитору еще один мимо проходящий и даже присел на корточки рядом. – Какая оригинальная манера, сочинять музыку. Я бы тоже присел рядом с вами и чтонибудь сочинил, но совершенно не имею времени. Желаю успеха. О-о-о-о!!! Это ваш рояль, маэстро. Каков! «Зайлер»! О-о-о-о!

– Был «Зайлер»! – взвыл Лист. – Теперь это ящик для хранения нот.

– Что вы говорите? Оригинально! Какая выдумка! Ящик для нот! Вы оригинал, герр Лист,– очередной «прохожий», прогрохотал башмаками по крышке рояля, как по крышке гроба.

Михаил, услышав фамилию композитора и виртуоза 19-го века, с сочувствием взглянул на его сгорбившуюся фигуру и указал Сергею на исковерканный инструмент:

– Поможем?

– Давай,– вдвоем они оттащили рояль с прохода и, перекантовав с грохотом на бок, прикрепили выломанные ножки.

– Это, конечно, на помойку теперь только или на дрова годится, но попробуем восстановить,– Михаил погладил стоящий уже на ножках инструмент и тот, от легкого прикосновения заколыхался, как нализовавшийся вдрызг матрос в увольнении. Михаил похлопал ободряюще инструмент посильнее и тот, застыв, звякнул в ответ струнами, явно благодарно.

– Герр, Лист,– обратился Михаил к композитору, безучастно наблюдавшему за их манипуляциями с останками рояля.– Мне, кажется, вам повезло и инструмент совершенно не пострадал. Чехол крепкий и эти... «футоры с фусклецами», тоже крепкие. Ножки подправили и стоит, вон как устойчиво. Взгляните,– Михаил постучал по крышке и рояль отозвался опять радостным стоном.

Лист поднялся, скривившись, и не спеша спустился к ним. Подойдя к роялю, он ткнул его легонько рукой и удивился, когда инструмент не шелохнулся. Михаил услужливо рас-

чехлил инструмент и предложил:

– Попробуйте, как звучит?– Лист откинул крышку и ткнул пальцем, не глядя, в клавиши. Звук раздался в пустой парадной громко и чисто.

– Ля,– определил Сергей.

– Ля-я-я-я,– запел Лист и прошелся по клавишам так энергично, что звуки буквально взорвали тишину и, выплеснувшись в переулок, чуть не сшибли с ног инспектора полиции, прохаживающегося с заложенными за спину руками, в ожидании своих подчиненных, отправленных в погоню за сбежавшим господином с саквояжем. Замерли все, оглушенные и ошеломленные. А Лист играл свою увертюру, которая рождалась под его пальцами прямо здесь и сейчас, вгоняя в дрожь слушателей. Даже грузчики замерли, округлив глаза, поняв, что за вещь ворочали они целый час по лестнице и почему так причитал этот человек во время переноса и после...

Глава 2

Импровизированный концерт закончился и, в ответ на раздавшиеся аплодисменты, Ференц Лист галантно раскланялся. По лицу его при этом текли слезы и он, вытирая их все тем же кружевным платком, повторял:

– Я назову эту вещьцу «Восторг», господа! Какое счастье!! Это самый счастливый день в моей жизни!!!

Бережно прикрыв клавиши инструмента, он принялся лично зачехлять рояль, поглаживая его полированные поверхности и мурлыча что-то под нос. Лицо композитора светилось от счастья.

Грузчики, получившие веское доказательство, того, что труд их был не напрасен, без каких либо команд и понуканий, принялись готовить рояль к дальнейшему перемещению и на раз-два выволокли инструмент из парадного подъезда. Натан с оставшимся грузчиком, присоединился к ним, помогая поднять, чудом уцелевший инструмент на широченную телегу и четверка кляч, медленно поволокла ее по указанному Листом адресу. А спустившиеся с третьего этажа господа и дамы, окружив инспектора полиции, требовали от него немедленно принять меры к поимке преступника, по сравнению с которым /по их утверждению/ знаменитый Джек-Потрошитель был сопливым мальчонкой, писающим в штанишки.

– Это Враг Империи № 1-н, герр Инспектор. Что же вы стоите столбом? Поднимайте на ноги всю полицию Вены. Пусть перекроют все входы и выходы из столицы. Чтобы мышь не прошмыгнула незамеченной. Вдруг это он,— нервничал высокий господин с усами.

– Все, что от меня зависит, я делаю, господа,— заверил «пострадавших от преступника» Инспектор.— Поймаем вашего должника и посадим. От нас еще никто не убежал. Рано или поздно попадется. Не сегодня, так завтра, не завтра, так через месяц или год, но от нас не уйти, непременно настигнем.

– Что значит через год? Инспектор, мы будем вынуждены жаловаться на вас вашему начальству,— попробовал зайти с другого бока кто-то из потерпевших.

– Что-о-о-о?— инспектор скривился, у него ужасно болело вывихнутое от удара о дверь плечо, а еще колени, ободранные о ступеньки и ребра через одно, тоже напомнили о том, что они у него есть.

– Я гоняюсь за этим вашим мерзавцем Франкенбергом с самого утра. Не ем, не пью, в кровь сбиваю ноги, ломаю ребра, а вы на меня же и жаловаться собрались, господа? Ну, знаете! Бегайте сами за ним и караульте на входах и выходах. Мне он ничего не задолжал и Императору, кстати, тоже. Недоимок перед казнью, судебные власти за наследником не обнаружили. Он чист аки агнец, господа. Честь имею,— инспектор козырнул небрежно, развернулся и поколдыбал

прочь, придерживая шпагу.

Оставшись без поддержки Закона, господа потерпевшие, растерянно загомонили, разбиваясь на пары и тройки. Кто-то из них был заинтересован более, другие менее в поимке Франкенберга младшего и поэтому плотные их ряды стали таять, оставив у подъезда самых неистовых и несогласных ждать год.

– Он должен мне по векселям только десять тысяч. А по закладным? А по страховым, а по... О-о-о-о! Я требую арестовать имущество и взять под стражу вдову этого негодяя. Она уже все распродает. Господа, через день мы увидим одни голые стены, если она и их не продаст.

– Верно! Нужно воспрепятствовать выносу имущества,– поддержали его самые упертые, в количестве пяти человек. Громче всех «Верно» орала фрау в шляпке с перьями. Перья, натканые в шляпу, очевидно, с каким-то, одному только шляпному мастеру понятным смыслом, были явно крашеными куриными. Но прокрашены с фантазией незаурядной и фрау в шляпке, очень была похожа на рассерженную клушку. Перья топорщились, придавая ей вид воинственный и непримиримый. Руками «клушка» размахивала так яростно, что уже задела некоторых «собратьев по несчастью» невзначай и они потирали зашибленные затылки и плечи. Страсти накалялись. Во все времена самыми активными членами общества, во всех государствах, были люди, внезапно потерявшие собственность. Это они развязывали гражданские вой-

ны и организовывали контрреволюции. Это они уходили в леса и пускали под откос эшелоны. Это они не признавали и не смирялись ни перед какой властью и силой, вспоминая утеранный скот, землю, деньги. Имущество – одним словом. Этих вразумить и смирить не возможно.

– Власть попустительствует!!!– орала «клушка», размахивая руками.– Сами позаботимся о соблюдении Закона. Не выпускать никого из этого дома с барахлом!!! Это наши деньги, господа!!! Я вдова, господа!! Бедная и беззащитная!! Встанем здесь стеной и не выпустим,– страстные призывы «беззащитной вдовы», со стоящими дыбом на голове перьями, не остались незамеченными соратниками временными, а напротив, получили поддержку большинством, тут же организовавшим пикет. Двери, сорванные с петель, общими усилиями были подняты и установлены на место, спешно нанятыми мастеровыми, которые за дополнительную плату еще и мощный засов на них установили – снаружи. Господа, подбадриваемые «вдовой-клушкой», не пожалели последних денег, которые у них остались, после того как их «обчистил» Франкенберг и наняли пару тройку добровольцев для несения караульной службы, предоставив им полномочия чрезвычайные.

– Всех впускать, никого не выпускать, а несогласных бить нещадно, пока не согласятся,– инструктировала вдова, маленький частный отряд, лично раздавая им приобретенные в соседней скобяной лавке черенки для лопат. Черенки бы-

ли качественные, дубовые и вооруженные ими люди, становились в собственных глазах и глазах обывателей – властью. Пусть и временной, пусть на очень ограниченном пространстве, но очень убедительной. Обещанная плата и выплаченные тут же авансы, делали власть легитимной и давали ПРАВО «хватать и не пущать».

Сделав таким образом все, что в их силах, кредиторы, обиженные скоропостижной кончиной должника и бегством наследника, наконец удалились, превратив дом №6 в переулке Эшенбахгассе самым охраняемым в городе жилым домом, после Императорского дворца.

– Чтобы муха тут у вас... – инструктировала вдова молодых с черенками в мозолистых руках. – Особенно эту стерву с третьего этажа... – молодые кивали с пониманием и грозно поглядывали по сторонам. Жильцы дома № 6-ть, отнеслись с пониманием и протестовать особенно не стали против насилия. Жильцы начали пользоваться черной лестницей, про которую кредиторы забыли в горячке и блокпост на ней не выставили. Вдова банкира, сунувшаяся было выйти и получившая от ворот поворот, тоже не стала громко возмущаться,

сориентировавшись в обстановке и принялась спешно распродавать, все что возможно, через этот же черный ход. Жизнь в доме закипела.

Михаил с Сергеем, поняв, что мимо них верхом на рояле проскакал ни кто иной, как сам Эммануил Франкенберг, от-

правили вслед за ним «Трояна» Филю, а сами, помахав вслед Ференцу Листу, поднялись на третий этаж, решив пообщаться со вдовой усопшего банкира. Двери в квартиру №6-ть были распахнуты и гул голосов, стоящий в ней, напоминал базарный.

Вдова, неуверенная в своих правах и с целью уклониться от обязанностей, устроила из квартиры комиссионный магазин и стремительно распродала имущество с «молотка». Сама же и вела торги, называя вещь и оглашая первичную сумму.

– Стол письменный, совершенно дубовый, господа. Всего пять талеров прошу. Кто? Поднимайте уже ваши руки. Вот вы, герр Шнейдер, посмотрите каков стол, почти совсем из дубового дерева. Разве не о таком вы мечтали с прошлой осени?– Герр Шнейдер морщил узкий лоб и надувал толстые щеки. Он не помнил, о чем мечтал с прошлой осени, но пять талеров считал суммой преизрядно-завышенной и проплям-кал толстыми, как оладьи губами.

– Фрау Франкенберг, я готов, но за талер. Побойтесь Бога, где пять талеров и где этот стол?

– О-о-о!– закатила очи вдова.– Да вы злодей. Разбойник с большим кинжалом, на узкой тропинке, герр Шнейдер. Этот стол стоит десять талеров и я прошу половину стоимости. Стол совершенно новый, ему всего двадцать пять лет. Разве это возраст для дуба? Дуб, я слышала, столетний бывает.

– Может на вашем дубе еще и желуди растут?– фыркнул

герр Шнейдер презрительно.

— Желуди нет, но если вы приобретете его, то я вам покажу целых три потайных ящичка, наличие которых делают эту вещь совершенно уникальной среди столов.

— Так покажите сразу, фрау Франкенберг, не морочьте голову,— опять фыркнул герр Шнейдер. Был он росточка невысокого, кругленький, пухленький, с розовыми как у поросенка щеками.

— Если я покажу потайные ящики всем, то какие же они тогда потайные будут?— отрезала вдова решительно.— Покупайте и смотрите.

— Ну, хорошо,— вздохнул тяжело герр Шнейдер.— Уговорили, фрау Франкенберг, только из уважения к вашему усопшему супругу. Два талера.

Вдова всхлипнула жалобно, утерла носик платочком черненьким, сунула его за отворот рукава траурного платья и взяла протянутые монеты,— Ах, я обрекаю себя на нищету своей добротой,— простонала она при этом.

— Ну и где?— подкатился к ней на коротких ножках герр Шнейдер.

— Что?— не поняла вдова.

— Тайники в столе где?— Герр Шнейдер принялся потрошить уже принадлежащий ему стол, гремя дверками и ящиками.— Где?

— Вот эти три верхние,— ткнула вдова пальчиком.— Все три потайные. Муж их всегда запирает, и я ни разу за пять лет

замужества не смогла даже краешком глаза в них взглянуть. Даже после кончины мужа, чтобы взглянуть, пришлось взломать замки на этих ящиках, ключи сыскать не было никакой возможности. Уж я весь дом перерыла.

— Вокруг пальца обвели!— взвыл раздосадованный герр Шнейдер, ожидавший увидеть не весть, что хитроумное.

— Да как у вас язык поворачивается такое говорить!?!— возмутилась вдова.— Я уступила вам вещь в десять раз дешевле ее истинной стоимости, стыдитесь, герр Шнейдер. Этот дубовый стол изготовлен, если хотите знать, из настоящей сосновой доски. Корабли строят из нее.

— Сосна?— герр Шнейдер схватился за сердце.— Точно? Не осина?

— Ах, я не знаю,— отмахнулась, от герра Шнейдера с его столом, вдова.— Если хотите знать точно, то спросите у плотника Адама, он тут рядом живет в соседнем доме, на чердаке его каморка. Сходите и спросите, из чего он его сколотил год назад. Купите лучше секретер. Совершенно из дуба дерева. На нем мой муж работал не покладая рук. Видите, весь в чернилах? Пять талеров,— толпа желающих приобрести вещи, загомонила возмущенно, и громче всех раздавался писклявый голосок герра Шнейдера.

— У этого секретера дубового, тоже три ящика верхних потайные от вашего любопытного носа, были вашим супругом предусмотрены и теперь взломаны?

— Нет, только один,— честно призналась вдова.— Но к сек-

ретеру, в ту же стоимость я добавлю вон ту вешалку из рогов самца лося. Он их потерял в лесу, а мой покойный муж нашел и приспособил. Подставка совершенно дубовая и полочка тоже. Очень достойно будут эти рога смотреться в вашей спальне, герр Шнейдер. Над кроватью.

– Почему в спальне?– попался герр Шнейдер.

– Им у вас там самое место,– отрезала мстительно вдова и с удовольствием принялась наблюдать, как наливается помидорным спелым румянцем, возмущенное лицо «разбойника и грабителя».

Михаил с Сергеем, остановились за спинами участников летучего аукциона и пока наблюдали за торжищем, не вмешиваясь. Герр Шнейдер, не нашелся, что сказать на прозрачные намеки вдовы и пыхтел, рассерженно надув губы, а у остальных покупателей потенциальных, настроение приподнялось и даже послышались сдавленные смешки.

– Кто, господа? Ну, же! – в ответ на призыв вдовы все промолчали благоразумно.

– Ну, хорошо, добавлю еще пять стульев. Хорошие стулья, крепкие.

– Из дуба и с тайниками,– не удержался все же от реплики герр Шнейдер, пришедший в себя.

– Да, из дуба. Извольте убедиться сами, господа,– вдова схватила стул, выдернув его из ряда стоящих позади нее и грохнула им по проданному только что письменному столу.

– Взгляните теперь сюда. Видите вмятину на крышке сто-

ла? Осина против дуба, что масло сливочное против ножа. Взгляните, взгляните. Видите, какая глубокая вмятина. Ее только что не было. Это от ножки стула. Дуб, чтоб мне замуж больше не выйти,— покупатели с любопытством рассматривали свежую вмятину, вежливо оттерев в сторону от его собственного стола, герра Шнейдера, у которого возмущенно затряслась нижняя челюсть от обиды.

— Беру за талер,— наконец изъявил кто-то желание, и монета звякнула в ридикюле вдовы о поступившие туда ранее.

— Грабите, пользуясь моим бедственным положением,— не забывала сетовать она.

Счастливые собственники вновь приобретенного имущества, хватали скоренько свои вещи и выметались с ними в сторону черного хода. Оттуда же появлялись новые покупатели, с жадно распахнутыми глазами и ртами.

— Этот аукцион на долго,— пришел к выводу Сергей, осматриваясь по сторонам.— А вот место, где стоял рояль. Пятно соответствует размеру. Вовремя Лист его успел приобрести и наверняка тоже за пять талеров, потому что дубовый был.

— Вряд ли мы что-то узнаем от вдовы для себя интересное, но раз уж решили пообщаться, то может скупить тут все оптом и облегчить ей жизнь?— Михаил поднял руку, привлекая к себе внимание хозяйки.

— Фрау Франкенберг, сколько вы хотите за оставшееся имущество?— спросил он в наступившей тишине.

– Тысячу талеров, – тут же ответила вдова ни на мгновение не задумавшись.

– Значит, если разделить тысячу на пять, то рассчитываете вы при этом получить двести талеров? – Михаил подмигнул вдове и та залилась румянцем, но присутствия духа не потеряла и ответила твердо и непреклонно: – Это оптом тысяча, а в розницу – пять, герр офицер.

– Логично, фрау Франкенберг. Ну что ж. Будь по-вашему, – Михаил высыпал на осиновою столешницу монеты и сверху бросил кожаный кошель из-под них. – Пересчитывать будете?

– А как же?! – удивилась вопросу вдова. – Вдруг здесь больше. Мне лишние не нужны. Я честная женщина.

Разочарованные таким молниеносным торгом, несостоявшиеся покупатели, молча потекли к выходу, норовя по пути чтонибудь прихватить на память, в виде сувенира. На мелочи парни решили не обращать внимания, но когда на их глазах двое, самых разочарованных очевидно, попытались снять и унести огромное зеркало в овальной раме с купидонами, то Сергей все же не удержался и в двух словах объяснил им, что воровство – грех. Выпроводив любителей сувениров легким пинком на лестницу. Остальные вели себя скромнее, прихватывая попутно книги, табакерки, посуду и акварельки со стен. Захлопнув за последним покупателем входную дверь, Сергей запер ее на массивный крюк и облегченно вздохнул:

– Клептоманы все поголовно.

Вдова пересчитала трижды монеты и трижды недосчиталась десятка. Принявшись считать в четвертый раз, она закусил губку и принялась раскладывать монеты столбиками по десять штук и выставляя их в аккуратные шеренги, формируя во взводные и ротные колонны. Выстроив каре десять на десять, она наконец-то убедилась, что ее не хотят надуть и сгребла полк из талеров в мешок. Деловито затянув его, она осведомилась:

– Когда забирать явиться свое барахло? Мне еще квартиру пристроить нужно. Будет плохо, если покупатель явится, а тут эта рухлядь повсюду валяется.

– А документы на квартирку у вас имеются? Мы слышали, что тут некоторые господа организовали целую партию против вас и намерены наложить арест на нее.

– Документы в порядке, – презрительно скривила личико вдова. – Скандалов я не люблю и уехать давно собиралась. Муж мне эту квартиру пять лет назад подарил и оформил надлежащим образом. Это мое. Никакой суд не отсудит. А наследник – сынуля, все вопросы к нему. Очень резвый молодой человек. Высокий такой. Он только что вышел. Вы его не встретили на лестнице?

– Встретили. За ним гнались трое полицейских со шпагами.

– Да-а-а? Интересно, что они-то от него хотели? – удивилась вдова.

– А кто еще от него что-то хотел?

– О-о-о. Очень многие. Вчера, уже поздно ночью, сынок его внебрачный приперся. Не знаю, как и зовут этого молодого наглеца. Стал требовать деньги, которые ему якобы Эммануил должен за то, что он не заявит на него. Еле выпровадили хама. Отдарился Эммануил чем-то и пообещал пристроить на службу выгодную. Ушел недовольный и кричал полчаса еще под окнами, что если письмо рекомендательное не поможет ему в поисках вакансий, то заявится опять.

– И кому же письмо рекомендательное?

– Написал кому-то. Ах, я знаю? Что вам за дело, герр офицер, до всего этого?

– Никакого, фрау Франкенберг. Вы правы. Скажите, во сколько вы оцениваете эту квартирку и позвольте все же взглянуть на документы?

– Совсем не много прошу. Сейчас и цен-то таких нет в Вене. Три тысячи талеров и она ваша. Немедленно пошлю за нотариусом.

– Мы согласны, – Михаил решил не торговаться и по лицу вдовы понял, что привел ее в крайнюю степень неудовлетворенности собой. – «Нужно было просить пять тысяч», – говорило лицо, а глаза просто кричали, – «Или десять».

– Нет, фрау Франкенберг, ни пять, ни тем более десять вам никто не заплатит. Таких цен действительно в Вене нет. И трех тысяч тоже нет. Посылайте за нотариусом, – Мариам вздохнула, привычно уже промокнула носик платком и по-

слала за нотариусом, крикнув какому-то мальчишке в окно, чтобы сбегал:

– Передай, чтобы поспешил, дело срочное. Держи денежку, сорванец. Вернешься, получишь еще столько же. И скажи господину нотариусу, что мы ждем его с черного входа. Он у нас теперь парадный. Понял?

– Понял, фрау, – раздался голосок за окном.

Пока не появился нотариус, парни осмотрели квартиру, которая произвела на них в целом положительное впечатление, в основном своими размерами.

– Большая, – оценил Сергей и поинтересовался у хозяйки:

– Скажите, фрау Мариам, здесь случайно нет потайных комнат или кладовых? Может сейфы есть в стенах скрытые?

– Ничего такого нет, – решительно заявила вдова. – Я бы знала. В кабинете мужа есть шкаф, через который можно пройти еще в одну комнату, но потайной ее только он сам считал. А знали про нее все. Горничная, кучер, дворник, истопник, ну и я. Там у него денежный ящик находился. Умер, вскрыли, а там и нет ничего. Одни бумаги долговые.

– Чем же занимался ваш муж в последнее время так убыточно? Он же был талантливым финансистом и вдруг банкрот. Как такое могло случиться?

– Не знаю, господа, сама в полной растерянности. Радовался как ребенок последние два месяца, кредитов нахватал у кого только можно, – «Верну все сторицей, дорогая. В шелках и бархате будешь ходить. Осыплю с ног до головы золо-

том»,— Мариам всхлипнула и подергала себя за рукав.— Вот шелк-то каков.

Нотариус появился минут через двадцать и похож был скорее на профессионального боксера, а не на крючкотвора записного. Здоровенный парнище, со свернутым набок носом, крепко пожал руки Михаилу с Сергеем, назвавшись Фрицем Пульманом и поцеловав ручку вдове, взял, что называется «быка за рога». Сделку оформил со скоростью просто ошеломляющей, уложившись в пару боксерских раундов. Шлепнул нужное количество печатей и штампов, попросил расписаться в десятке мест Михаила и Мариам и, получив гонорар, откланялся.

— «Вини, Види, Вици» — Пришел, Увидел, Победил. Молодец. Сразу видно, что профессионал,— Михаил сложил аккуратно документы в пластиковую папку и, обращаясь к вдове, поинтересовался ее дальнейшими планами.

— Немедленно уезжаю из этих трущоб в гостиницу. Просто немедленно,— засуетилась Мариам и, схватив приготовленные ридикюль и саквояж, выскочила из квартиры, крикнув на прощанье:

— Желаю приятного проживания.

Оставшиеся вдвоем парни, не спеша попили кофе, расположившись в кабинете банкира с входом в потайную, сейфовую комнату. Шкаф секретный был открыт и она просматривалась через проем почти вся, небольшого размера, но с окном.

– Ну, и за каким лядом мы эту рухлядь, вместе с помещениями приобрели?– Сергей сидел в кресле с высокой спинкой, закинув ноги в ботфортах на подоконник и дымил сигаретой, одновременно мелкими глотками прихлебывая кофе из чашки.

– Ты знаешь – из чистого любопытства. Обратил внимание, что квартира занимает весь этаж?

– Ну, обратил. И что из этого?

– Взгляни мысленно на план квартиры сверху, а чтобы мозги не напрягать, вот тебе план рукотворный,– Михаил сунул Сергею лист с чертежом квартиры.– Это поэтажный.

Сергей принялся разглядывать чертеж, иногда закрывая глаза и сосредоточенно шевеля губами, потом хлопнул себя по лбу ладонью.

– А верно ведь. Как это я-то не заметил? Несоответствие, однако явное. Реальных чертежей и помещений. Вот эта комната где? В ней по плану двадцать метров с хвостиком. Сориентируемся в пространстве и что видим? Комната при-
мыкает к этому кабинету, вон к той стеночке с книгами.– Сергей встал и подошел к книжным полкам.

– Капитально как все тут устроено. И как пройти?

– Элементарно, рычаг запорный вон за тем томом здоровенным в телячьей коже. Вынь-ка его.

Сергей фолиант пыльный с трудом вытащил и положил на пол.

– Ну что?

– Есть ручка,– Сергей сунул руку в щель между книгами и принялся дергать там что-то.– Поворачивается и все,– сообщил он разочарованно.

– Значит это защелка. Давни теперь от себя полки,– посоветовал Михаил.

Сергей надавил и книжные полки, от потолка до пола, плавно крутнувшись, повернулись на 90 градусов, открывая проход шириной в метр.

– Вот и все, а Эммануил стонал,– «Где завещание»?– Наверняка здесь,– Михаил шагнул еще в одну потайную комнату, следом за Сергеем. Вид она имела обжитой, слегка пылью комнатной все припорошено, но тем не менее, выглядела аккуратной и обставлена была всем необходимым для хранения документов и ценностей. Имелся столик и кресло рядом с ним, а в углу возвышался огромный сейф, занимавший всю стену. Метров пять в ширину и метра три в высоту, он своей монументальностью невольно вызывал уважение и удивление.

– Однако!– Сергей похлопал по стальной двери ладонью.– Вскрыть это чудовище без магии мы с тобой только «Перфом» сможем, как тут с аномалией? В подъезде с роялем у тебя получилось хорошо.

– Увы! Листу повезло, а нам нет. Придется резать.

«Перф» не подвел и вырезал замок без особых усилий за полминуты. Толщина двери впечатлила. Распахнутая на всю ширину она открыла взгляду метровой глубины кладовую, с

полками забранными в металлические опять же дверки.

– Сейфы в сейфе, – Сергей включил снова "Перф и принялся методично вырезать один замок за другим. Всего сейфов оказалось двенадцать по шесть с каждой стороны. И заполнены оказались почти все доверху ценностями.

Сергей с Михаилом равнодушно перекладывали мешки с монетами и пачки банковских кредитных банкнот. Гульден-ов только в ассигнациях оказалось на глазок около двухсот тысяч. А талеров серебряных тысяч пятьдесят. Михаил не ошибся, отвечая в Лондоне на вопрос Сары. Семейство Соломона не успело появиться вовремя и если сейчас двигалось в Вену, то ожидало ее глубокое разочарование. Братец умер, племянник в бегах, вдова все продала.

– А вот и завещание, – Сергей взял лист бумаги, исписанный мелким убористым почерком, и попробовал прочесть написанное, но осилил только заголовок. – «ЗАВЕЩАНИЕ» и первую строчку.

– Я, имя рек, такой сякой, родом из того, сего в здравом уме и твердой памяти... – Слушай, Миш, ты бы и мне мозги слегка почистил, что-то методика допотопная в извилины не лезет. Немецкий с его глаголами задолбал. Английский, куда как проще. А немцы, похоже, язык свой в полевых условиях создавали. Бегом. Нет чтобы присесть спокойно и все как следует обдумать, как китайцы, нет, они все на ходу видать норовили. Дер, дие, дас – идиотские. Вот на хрена они нужны, если окончание все равно понимание дает какого рода

слово?

– Мозги тебе я «загрузить» могу, но потом не обижайся, если чего лишнего обнаружишь.

– В смысле?

– В том смысле, что когда ты сам усилия прикладываешь, то берешь то, что хочешь, а когда со стороны вкладывается, то уж не обессудь, если какуюнибудь древнюю поэму о нибелунгах обнаружишь.

– А согласовать нельзя по списку?

– Долго. Список километровый получится. Пару суток будем сидеть.

– Хрен с ним, пусть без согласования. Я, ежели, что ненужное втемяшится, забуду потом, да и все. Жить-то с этим можно?

– Я же живу,— Михаил взял лист с завещанием и бегло пробежав по нему глазами, перевел:

– Все Эммануилу оставил. Вдове только квартиру с барахлом и даже кредиторов своих всех упомянул, расписав поименно. Табличка вот имеется. Кому сколько задолжал. Неплохо Франкенберг в последние полгода на Лондонской бирже ценных бумаг играл. Поднимал, опускал, перекупал. Было чутье, как у волка. Раза в три увеличил капитал свой, даже с учетом выплаченных кредитов и погашения вексельных обязательств. Смотри-ка и семейку Соломона упомянул. Семь тысяч им отвалил талеров старик. Не так уж много родственников у Франкенберга оказалось, вот и вспомнил.

– И что теперь? Душеприказчиками его станем добровольными, чтобы, так сказать – восстановить доброе имя? Или пошел он ко всем чертям? Все равно на сковородке будет париться в итоге.

– Насчет сковородки не наше это дело – решать, будет или нет. А вот если пошлем ко всем чертям, то станем примитивно ворами. Деньги, конечно, на спекуляции ценными бумагами сделаны, но если мы их присвоим, то становимся соучастниками.

– Давай в монастырь пожертвуем, да и все. Пусть братия отмаливает банкира. От его имени внесем.

– А воля усопшего? Господь на нее не посягает, а мы, значит, хрясь и круче Христа. Предлагаю, вернуть кредиторам их суммы изначальные, Эммануилу стартовую папашину, а все спекулятивно добавленные – монастырю.

– Этого Эммануила еще поймать нужно, – вздохнул Сергей.

– Сам прибежит. Узнает, что его уже не разыскивает полиция и заявится, как миленький. Нам-то он все равно нужен. Если Филя его сможет вычислить, то пошлем ему приглашение с разъяснением. Пошли, разберемся с блок-постом. Пусть посылают за нанимателями. Обрадуем.

Увидев двух офицеров, наемные караульные черенки дубовые с плеч сняли и спрятали на всякий случай за спину. Вступать в конфликт с армией Его Императорского Величества они пока не желали. Оплата не соответствовала послед-

ствиям. Выслушали молча, молча же пожали плечами.

– Что за гримасы?– не понял Михаил.

– А куда, с позволения сказать, бежать? Мы и не знаем. Сказано стеречь, да ждать. Утром завтра будут непременно... кажись,– соизволил объяснить один из караульных, скребясь в лохматой голове. Занятие это было, очевидно, самым любимым из всех, которые он знал, так как демонстрировал ловкость выработанную годами. Скреб с вдохновением. Лист, с этим же выражением лица, касался пальцами клавиш. Любитель почесать голову, подключил к процессу вторую руку, приставив черенок к стене, и закончил, обозначив свое жизненное кредо:

– Наше дело телячье.

– Телячье, поросячье или собачье мне наплевать, прекрати вшей гонять по организму и смотри сюда,– Сергей сунул в нос «чесоточного» талер.– Объявляю приз тому, кто приведет кого-нибудь из господ, его тут караулить нанявших. Я в квартире № 6-ть.– Вопросы есть?

– Обманешь пади, герр офицер?– засомневался «чесоточный».

– Вот те крест,– Сергей обмахнулся крестом.– Чтоб я сдох.

– А ежели двух привести?– лохматый оказался парнем сообразительным.

– Скольких приведешь, столько и получишь,– фразу эту Сергей закончил произносить уже в спины, стремительно со-

рвавшимся с мест караульным.

— Что же ты им адреса клиентов не дал? Список есть со всеми реквизитами,— Михаил щелкал наружной щеколдой, решая, нужна она дверям или нет.

— Они и без списка всех сыщут. По списку я проверять буду, тех ли привели. Нахватают, кого попало, долю пообещав. Знаю я этих «гавриков», сам такой. А вот и «разведка» припожаловала пархатая. Нашел бегуна?

— Нашел,— Филя сел привычно Михаилу на плечо и, ущипнув его довольно чувствительно за ухо, зататорил, бойко и задорно:— Он сначала в соседнюю подворотню шмыгнул, потом там отсиделся минут десять, макинтош скинул с цилиндом, рожу гуталином намазал и смело дальше пошел совершенно не скрываясь и сейчас в двух кварталах отсюда, на Херринггассе-12-ть, номерок снял. Сидит, горюет и гуталин подновляет. Наверное, рывок основной, вон из Вены, на завтра отложил. Весь на нерве. По-немецки ни слова старается не шпрехать, спикает на аглицком и смотрит волком. Пиво заказал, однако, в номер с сосисками и долго тряся, мелочью рассчитываясь.

— Тебе бы, Филя, романы писать с таким языком поэтическим,— Михаил щелкнул воробья по клюву и предупредил.— Еще раз ущипнешь так старательно за ухо, посажу на диету, в клетку с кошкой.

— Хозяин,— Филя присел на пушистый зад и вытянул когтистые ноги.— Я же любя. Не рассчитал маненько, ей Богу.

Оплошал чуток.

– И вообще,— продолжал ворчать Михаил.— Кто вопрос задает, тому и докладывай в следующий раз и можешь вообще хоть ухо ему с корнем вырвать. Понял?

– Понял!— Филя бодро подскочил и перемахнул на плечо к Сергею, прицелившись к его уху, но тот живо схватив его, зажал в кулаке так, что оттуда торчала только головка «Трояна».

– Ухо, значит, мое тебе разрешил Хозяин выдрать?

– Разрешил,— пискнул Филя жалобно.

– А о последствиях ты не подумал?

– Нет,— закрутил головкой Филя.

– Подумай три секунды,— разрешил Сергей.— Раз, два, три. Ну? Какие последствия?

– Хреновые,— закивал Филя.

– Вывод?

– Вырывать уши нельзя,— сориентировался «Троян».— Лучше на диету, в клетку с кошкой. Я ее лаем до инсульта сначала доведу, потом уши ейные вырву.

– Соображаешь, почти как взрослый,— одобрительно погладил Сергей «Трояна» по головке.— Лети, разведка, поищи этого «отморозка» Алоиза. По пивным пошныряй. Их в Вене много и в любой дешевой он может околачиваться сейчас,— Филя выскочил пулей из его кулака и пропал, метнувшись за угол.

Глава 3

Михаил проводил взглядом «Трояна» и предложил: – Давай, пошлем посыльного к этому «эфиопу» с письмом. Вложим в него копию с завещания и вернемся в квартиру. Быстрее начнем разбираться, скорее домой вернемся.

– Какую копию? Он же потребует тогда все?

– Я текст слегка поправил. Зря что ли тут пятно на площадке. Я бы и не пошел тогда сюда. Вернулся бы в гостиницу к Джеку. На завтра бы все перенес. Тоскливо тут что-то. Пора и честь знать. Душе-приказчиками нас с тобой вписал и суммы все, взятые в кредит, оформил, как взятые на сохранность. Могу с этих «лохов» плату потребовать за хранение. В «нотариалке» тоже все подправил. Кстати, мэтр Пульман нотариус-то. И знаешь, почему молчит?

– Почему?

– Забыл. Он ведь /Фриц/ пока в академии учился на юриста, ужасным был забиякой и пьяницей. Его во всех злочных местах Вены знают. Родитель ему оставил место хлебное, но не лежит у парня сердце к этой сфере человеческой деятельности. Ему бы конюшню завести и лошадей тренировать. Вот это по нему. Любит парень скачки.

– Посоветуй. Но что-то я не въезжаю. Как можно забыть о завещании?

– Обыкновенно. Герр Франкенберг «заколебал» всех но-

тариусов в радиусе двадцати миль, своими завещаниями. Менял и их, и текст каждые два месяца. Вот и не идет ни кто. Пока наследники не обратятся. Тогда хоть все заявятся и начнут сличать даты. Он ведь – гусь лапчатый и не отзывал иногда прежние свои пожелания. Вызывал новенького «ярыжку» и сочинял ему версию очередную, совершенно не похожую на предыдущие. Это что-то вроде спорта было у банкира покойного. Посылай за Эммануилом, а я за плотником пошлю. Пусть засов с двери переставит во внутрь. Не дверь, а позор, – Мальчишек, пожелавших сбегать за Эммануилом и плотником, нашли, не отходя от парадного подъезда. Они носились по переулку стайками, босые и горластые. Воспользовались методикой фрау Франкенберг, оплачивая авансом половину дистанции. Первым заявился, конечно же, плотник с ящиком деревянным и молча, приняв десять гульденов, за пять минут перевесил засов. Даже смазал его дегтем и ушел, подкручивая пушистые усы. Вообще мужская часть населения Вены условно уже была поделена парнями на тех, у кого есть усы «а ля Император», и на тех, у кого они еще до таких размеров по каким-то причинам не успели отрасти. Встречались образцы просто великолепные. Сам Император увидев, от зависти бы сдох. Лихо закрученные усищи, переходили в бакенбарды, уносящиеся вихрями за уши, торчали в стороны как у мартовских котов и свисали вниз по бритым подбородкам, уползая опять же за уши, но по скулам. Вена демонстрировала преданность династии.

Оделась в усы, как в форму. Безусый чиновник в эпоху Франца-Иосифа в Австрии – это все равно, что безбровый – в эпоху Брежнева в СССР.

– Эммануил, наверняка, торчит у черного входа. Зря, что ли он гуталин извел? Пошли. Здесь он точно не появится,– Михаил, поймал за рукав, пробегающего мимо очередного мальчишку и сунув ему монетку, послал за Фрицем Пульманом.

– В 6-ю квартиру и немедленно, с завещанием герра Франкенберга от этого месяца. Скажешь, что опекунский совет вызывает. Попечители и душеприказчики. Бегом пусть бежит. И ты беги, что уставился?

– Герр офицер, меня папаня в другую сторону отправил. А нотариус мэтр Пульман эвон где. Это совсем в другую сторону.

– Папаша зачем послал?

– Известно зачем,– мальчишка потер левую босую ногу о трепанную правую штанину и шмыгнул носом.– За хлебом... в трактир.

– За час не умрет твой папаня без «хлеба трактирного»?

– Не. Вытерпит,– согласился мальчишка. – Если через десять минут нотариус будет у нас, то получишь мешок муки и новые штаны с курткой и сапогами,– пообещал Михаил.

– Честное благородное, герр офицер?– мальчишка заплясал на месте.

– Честное, клянусь усами кайзера Вильгельма, чтоб им об-

лезть,— сплюнул Михаил на булыжники.

Мальчишка так резво взял старт с места, что караульные по сравнению с ним вспомнились парням черепахами.

— Муку не забудь мешок прямо сейчас сделать здесь. Там в квартире я что-то запасов продуктов не наблюдал,— посоветовал Сергей.

— Ага, сейчас. Сделай и волоки что ли?— Михаил поймал очередного сорванца и послал в бакалейную лавку.

— Бакалейщика, вон из той лавки сюда, ко мне в 6-ю,— командовал он и тот кивнул, сжав в кулачке медяк. Еще двоих он заслал к галантерейщику и сапожнику.

Эммануила на площадке третьего этажа черной лестницы не оказалось. Он благоразумно поднялся до самого чердака и выглядывал оттуда, приоткрыв щелястую чердачную дверь, прикинувшись любопытным трубочистом, проходящим мимо.

Увидев двух мужчин в мундирах он юркнул за дверь, чем-то ее блокируя по привычке и пришлось его долго убеждать, что они его не заманили в ловушку, а напротив хотят обрадовать подлинными документами. Кстати появившийся нотариус, сопровождаемый местным «Гаврошем», подтвердил их слова, и Эммануил высунул лицо прогуталиненное на всеобщее обозрение.

— Герр Франкенберг, спуститесь, приведите себя в порядок и приступим к оглашению воли посмертной вашего ба-тюшки,— Фриц Пульман ободряюще потрепал Эммануила по

плечу, перепачкав при этом ладонь так, что даже крякнул с досадой и первым помчался на поиски кадки с водой. Вода на кухне нашлась, целая бадья и Эммануил с Фрицем принялись отмываться. Эммануил от гуталина и голубинового помета, а Фриц от Эммануила.

Пока наследник и нотариус приводили себя в порядок, Михаил с Сергеем с парадной лестницы принимали первых посетителей. Бакалейщика, галантерейщика и сапожника.

– Мальчишку одеть, обуть и выдать мешок муки,– распорядился Михаил.– Счета сюда. Тебя как звать-то, дитя подворотен?

– Шульц!– мальчишка посверкивал сообразительными глазенками.– А одежду я сам могу выбрать?– тут же проявил он сметливость.

– Выбирай, что хочешь, из того что увидишь,– разрешил Михаил и сунул ему свою визитную карточку с именем.– Вот возьми, дефективный, на память. Вам все ясно, господа коммерсанты?– Повернулся он к стоящим в угодливых позах торгашам.

– Папаша этого Шульца-младшего, Шульц-старший все одно пропьет одежду-то. Он тут всем в переулке должен,– посетовал сочувственно сапожник в переднике.

– Пошлите за ним, пусть явится за мукой и сюда заглянет. Сначала ко мне, потом вот с такой карточкой за мукой. Без нее не выдавать. Сегодня, господа коммерсанты, эта визитка стоит ровно столько, сколько по ней отпущено товара. Кре-

дит не ограничен. Советую открыть кладовые. Сегодня их выметут подчистую. Чего нет у вас, найдем в других лавках. Свободны, господа,— коммерсанты побежали в лавки, чуть ли не на руках унося своего первого эксклюзивного клиента, с визитной карточкой Михаила. Мальчишка вцепился левой рукой в сапожника, правой в бакалейщика, визитку зажав в зубах.

Через час у дверей в квартиру №6 стояла толпа народа разных возрастов, пола, вероисповедания и социального статуса. Проще всего было разобраться с караульными, которые претендовали на незначительные суммы и получили их тут же у дверей, предъявив оповещенных кредиторов.

Впустив в квартиру кредиторов и предупредив их, что квартира продана и уже не является собственностью вдовы усопшего банкира, парни отдали им на «растерзание» Пульмана с идиотским совершенно текстом завещания, который его огласил и поздравил с возвращением денежных средств. Кредиторы искренне радовались тому, что им тут же было выдано под расписку счастливым наследником.

— Леди и джентльмены!— кричал радостно Эммануил, раскупоривая очередную бутылку французского шампанского и выстреливая пробкой уже в не принадлежащий его семье потолок.— Прошу, леди и джентльмены,— леди присутствовала здесь в единственном числе — та самая «клушка в перьях». Получившая свои кровные, она несколько успокоилась, но перья на ее шляпе топорщились по-прежнему скандально.

– Матильдочка, душенька!– лез к ней с поцелуями дружескими совершенно пьяный Эммануил.

– Уберите от меня это свинство,– возмущалась Матильда, отталкивая его от своей пышной талии.

И в этой непринужденной обстановке, всеобщего согласия и временного перемирия, квартира № 6-ть постепенно освобождаясь от буржуа, наполнялась пролетариатом. Сначала люди, самого подлого звания, толпились в прихожей и на лестнице, потом подталкиваемые сзади, оккупировали гостиную. Люди стояли плотной стеной и ждали. Ждали визитку с именем «Михаэль». Получали, грубо благодарили и уходили на кухню, чтобы покинуть квартиру через черный ход. Выйти обратно через парадный, никакой возможности не было. В подъезде в буквальном смысле «яблоку негде было упасть». И если в квартире пришедшие пролетарии вели себя тихо, то на площадке они как в поэме Маяковского, орали и «острее бритвы крыли друг друга при этом».

И эту «железную», но вовсе не «желанную» бурю, прекратил Сергей. Выйдя на площадку с трудом превеликим, впопору было надевать «Завесу», он рывкнул, перекрывая рев рвущихся за материальной помощью.

– Всем заткнуться!– Люди замолчали, вытянув по гусиному шеи. И он уже нормальным голосом пояснил, что визиток хватит всем «поэтому, господа пролетарии, прекратите орать».

– Герр офицер, там весь переулочек битком,– простонал

кто-то.— Ближние лавочки уже раскуплены и на соседних улочках тоже. Мы беспокоимся — хватит ли товаров у торгашей.

— Вы главное смотрите, чтобы они вам списывали недоимки, и цены не заламывали в три дорога. Не отоваритесь сегодня, отоваритесь завтра,— успокоил Сергей массы и, вернувшись в квартиру, оплатил принесенные приказчиками и хозяевами лавок, очередные несколько тысяч гульденов.

Уже примчались приказчики с Аувинкеля и Беккерштрассе, чтобы проверить платежеспособность герра Михаэля. Убедившись, раскланялись и помчались на пролетках обратно, чтобы обрадовать хозяев ажиотажным спросом. Кое-кто из пролетариев попытался затариться спиртным и, войдя в сговор с хозяевами лавок попросту мошенничал ничего не взяв, а тупо продав визитку торгашу за пол стоимости. Однако, такие визитки почему-то вываливались из общей кучки, предъявленных к оплате, и на них появлялось имя получателя.

— Это к оплате не принимаем,— тут же отметал их Сергей,— и так свирепо при этом смотрел на очередного приказчика или лавочника, что они не решались оспаривать принятое решение.

— Оплачиваем только реальные товары и именно первой необходимости. А вот это что?..— Сергей совал в нос торговцу «спалившуюся» визитку.— Это двести гульденов, поделенных пополам и ничем не обеспеченных. Поздравляю, герр

Штамм, вы облапошили самого себя. Слух о том, что визитки имеют странное свойство фиксировать недобросовестные сделки, разнесся по окрестностям со скоростью телеграфа, и приносить такие перестали.

А народ все шел и шел до позднего вечера, и даже когда выдача бумажек была прекращена до утра, не разошелся, а устроил в переулке ночные посиделки. Благо, что ночи летние в Вене теплые и короткие.

– Мы тут, что месяц собираемся сидеть? Вся Вена сбегалась, цены уже на сто процентов из-за повышения спроса поднялись. Необеспеченная товаром денежная масса на руках у населения порождает что? Инфляцию! Миха, мы выдали уже несколько тысяч этих картонок. Сколько их там еще у тебя в заглазнике?

– Тысяч десять еще. Завтра раздадим и лавочку прикроем.

– Если жандармы не прикроют, – предсказал Сергей. – Странно, что они еще до сих пор не заявили.

– Договоримся. Включай дубликатор и печатай гульденy. Франкенберговские уже кончились. Их там и было-то...

– Фальшивомонетничеством решил заняться?

– Нет. Настоящие будем выпускать. Сейчас серии и номера отслежу в Центральном банке и вперед.

Михаил вышел на площадку и его сразу обступили сидящие на ступеньках люди. Задавали вопросы и мешали сосредоточиться. Вернулся он недовольный и, махнув рукой в угол прихожей, заявил:

– Все, бумагу больше не тиражируем вообще никакую, будем выдавать талеры серебряные. Монеты в руки и толкучки сразу станет меньше. Кто-то отложит на черный день, кто-то пропьет, а казне только польза. Запустим пару миллионов за упокой души покойного банкира. К нему пусть власти и претензии предъявляют, – не поленился выйти еще раз и спуститься на первый этаж. Там опять успокоил людей, заявив, что с утра будет продолжена выдача «милостыни» по воле усопшего и при этом так «щелкал перстами», что люди сразу поверили и успокоились.

Весь следующий день Сергей сидел на мешках с талерами и сыпал их в руки мимо проходящим нищим классам. Тут же пил кофе, курил и только по естественным надобностям отлучился несколько раз, усадив на свое место протрезвевшего Эммануила. Сунув ему под нос кулак, предупредил при этом: – Вернусь, возьму за ноги, тряхну, и все что не твое выпадет. Веришь?

– Верю, – кивнул бывший дворецкий.

– Молодец. По десять талеров в руки. Они уже расфасованы. Берешь столбик бумажный, съешь вот этот гроссбух и выдаешь в обмен на отпечаток пальца. Сверяйся с предыдущими отпечатками, чтобы не облапошили и дважды не получили. Понял, герр Франкенберг?

– Понял, – кивнул Эммануил и пока Сергей отсутствовал полчаса, успел выдать только десять талеров, скрупулезно сверяя грязный оттиск пальца со всеми предыдущими. В об-

щем, просидел за сторожа, породив волну недовольства и ропот снизу.

По этой причине появившегося Сергей встретили радостно, чуть не кинувшись обнимать.

– Память плохая на капиллярные узоры, герр Франкенберг? Как же вы собираетесь заниматься банковским делом? С таким недостатком?– пристыженный Эммануил, ушел на цыпочках в бывший кабинет своего папочки, где его ждал Михаил и заставил рассказать все, что он знает о бумагах из ларца и прочем имуществе, похищенном из поместья экс-короля Франции.

– И где они? Браслеты, медальон и бумаги?

– Про бумаги мне ничего не известно, герр офицер. Браслеты при мне, а медальон я преподнес своему незаконнорожденному сыну Алоизу. Вчера. Мне что-то нужно было ему дать. Восемнадцать лет мальчику уже.

– И куда отправился ваш сынуля?

– Я дал ему рекомендательное письмо к барону Ротшильду, но там его вряд ли примут. Это был акт отчаяния с моей стороны и сын, наверное, уже получил от ворот поворот и скорее всего уехал в свою деревню.

– Думаете?

– Надеюсь,— скривился Эммануил.

– Но теперь-то у вас есть средства для того чтобы обеспечить его не только пустыми обещаниями. Что собираетесь предпринять?

— Поеду в Штронец, это под Деллерсхаймом, там у нас был свой дом. Хороший дом. Найду мальчика и помогу.

— Похвальное решение. Ну, что ж, в таком случае остается решить вопрос с браслетами. Это браслеты, которые принадлежали когда-то нашему семейству. Прадед привез из крестового похода. Стоят они сущие гроши, но память она ведь стоимости не имеет. Верно, герр Франкенберг?

— Полностью с вами согласен, герр Михаэль и готов уступить их вам за смешную сумму в сто тысяч талеров,— Эммануил робко взглянул на Михаила и, не увидев на его лице недовольства, уточнил.— За каждый.

— Тысячу за оба и считайте что вам повезло очень, потому что мы могли не найти завещание вашего батюшки и сейчас вы бежали бы быстрее собственного визга в сторону границы с Пруссией, герр Эммануил. Но клятвенно обещаю, остальную сумму внести в кружку пожертвований в первом же монастыре, который попадется на моем пути. Сто девяносто девять тысяч их обрадуют, думаю. А особенно вашего покойного батюшку, которому приходится сейчас не сладко.

— Мой батюшка был честнейший из банкиров в этом городе,— возразил Эммануил.— Он вернул все долги. Добавьте хоть тысяч десять, герр Михаэль. У вас мешки с талерами в прихожей, в них миллионы.

— Они нам не принадлежат. Увы, герр Франкенберг, мы выполняем волю усопшего вашего батюшки. Это он распорядился выдать талеры неимущим.

– Мой папа был миллионер?– Эммануил так удивился, что выложив на стол браслеты, смел в саквояж тысячу талеров и, откланявшись, вышел, не задав более ни одного вопроса.

«Накарканные» Сергеем жандармы заявили в середине дня в количестве очень значительном даже для столичного города. Переулок блокировали с двух сторон силами конного эскадрона, а в дом ввалилось еще столько же, приводя в трепет и покорность толпящихся пролетариев, ударами ножен.

В квартиру тоже вошли совершенно бесцеремонно по-хозяйски, как им и положено по служебному статусу. Впереди, пара рядовых расчищающих проход, за ними офицеры от полковника и ниже. Вошли и молча уставились на сидящего за ломберным столиком Сергея. У этих господ во все эпохи сходные манеры. Так же как и эта, она определяется одним словом «нагнетать». Слово емкое и к нему можно приставить множество существительных. Нагнетать напряжение, страх, ужас, чувство вины и незащищенности перед карающей дланью Закона, ну и перед не дремлющим его оком – институтом жандармов. «Недремлющее око» смотрело парой десятков глаз, не мигая на сидящего офицера, предоставив ему честь прервать затянувшуюся паузу.

– Ну и?...– Сергей ухмыльнулся.– Чего угодно, господа? Чему обязаны такой неожиданной радости? Столько жандармов в одном месте я еще не видел. Хотя нет... видел однажды во время парада.

Жандармы презрительно молчали, ожидая когда он закон-

чит и косили глаза на своего полковника, который сердито сдвинул брови к переносице и, нахлобучив служебную треуголку на самые глаза, выставил задранный подбородок вперед. Подбородок был массивный, квадратный, как кирпич и обрамлен, как того и требовали веяния времени, пышными усами «а-ля Франц-Иосиф— I».

Он не спешил высказываться и в соответствии с субординацией, молчали все остальные.

— Если вы, господа, как неимущие явились за милостыней, то увы, вынужден буду отказать, при всем моем уважении к корпусу жандармов. Вас в завещании герра Франкенберга нет. В нем вообще почему-то только рабочие указаны. Так что не обессудьте, господа,— Сергей ухмыльнулся еще более издевательски и привел своими словами и мимикой главного жандарма в раздражение невероятное. Его сегодня вытащили из загородного особняка, привезли срочно в министерство внутренних дел и битых два часа «намыливали голову», обвиняя в неумении работать.

— У вас, герр Мюллер, под самым носом действует банда финансовых террористов, которые подрывают экономику Империи, раздавая населению огромные суммы денег. Сотни тысяч, как мне доложили,— министр брызгал слюной и топал ногами.— Ваши эполеты слишком тяжелы для вас?

И так два часа к ряду, не давая вставить ни слова в свое оправдание. Поэтому герр Мюллер был сильно не в себе уже до прихода сюда. А вид развалившегося на стуле одно-

го из «финансовых бандитов», возможно даже что главного из них, не соизволившего зад свой приподнять перед вошедшим полковником жандармерии, да еще и язвящего при этом, вызвали в его чуткой и ранимой душе просто бурю эмоций.

– Вста-а-а-ать, кана-алья-я!!!– взвыл он, хватаясь за эфес шпаги, вытаращив глаза. Усы полковника при этом распушились еще больше и он стал похож на Бармалея из детского фильма 70-х «Доктор Айболит». Сергей фильм этот видел, сходство отметил машинально и, удивившись самую малость горластости «Бармалея» из Вены, вставать, разумеется, не подумал, снял со спинки мундир, накинул его на плечи, холодно представился и осведомился:

– Честь имею, полковник гвардии Его Императорского Величества Франца-Иосифа. Пистолеты, шпага? Предоставляю выбор вам, герр жандарм,— факт, что «финансовый бандит» оказался вдруг полковником, несколько озадачил полковника жандармерии и руку он с эфеса благоразумно убрал.

– Ваши документы, герр полковник. Будьте любезны предъявить,— снизил он агрессию, но руку протянул требовательно. Получив же бумаги, принялся их изучать так до тошно, что даже вспотел от усердия и возвращал их с таким разочарованным видом, будто выплачивал крупный карточный долг, от которого целый год успешно уклонялся.

– Пистолеты и шпага потом, а сейчас потрудитесь объяснить, что здесь происходит? Что за толпы нищих в переулке,

что за раздача денег?— Мюллер сверлил Сергея взглядом, и его свита подключилась к этому процессу так же, насупившись и помрачнев лицами. Сергей протянул жандарму завещание Франкенберга, отметив ногтем строчку: — Читайте, герр полковник, вот с этого места,— Мюллер впился в строчки глазами, и по мере прочтения лицо его претерпело последовательно целую серию метаморфоз. Сначала требовательное любопытство перелилось в недоумение, затем в растерянность и наконец — в понимание.

— Он свихнулся перед смертью этот еврей, если такое завещал,— сделал вывод Мюллер, тем не менее, внимательно ознакомившись с нотариальными печатями.

— Возможно, что свихнулся, а может быть наоборот — совесть в человеке проснулась и крикнула в уши.— «Придурок, ад со сковородками — это реальность. Опомнись».— Да еще и врезала по ушам сначала с левой, а потом с правой так, что герр Франкенберг предпочел переписать завещание благоразумное, в котором он все оставляет нескольким дармоедам, на вот это, в котором он отдает деньги бедным, неимущим, а их в городе многие тысячи.

— Кто рывкнул ему в уши?— недослышал или недопонял Мюллер и насторожился, как гончая перед командой.— «Фас».

— Совесть, герр полковник. А теперь я жду объяснений от вас. По какому праву вы врываетесь в частный дом? На основании чего? И как там обстоят дела с пистолетом и шпагой?

Вы долго выбираете, герр полковник, из двух предметов.

— Мы действуем по распоряжению министра внутренних дел, а ему донесли, что здесь имеет место экономическая диверсия.— Фразу о шпаге и пистолете герр Мюллер пропустил мимо ушей.

— На основании доноса? Вот как, значит, нынче работает жандармский корпус? Ну, что же, тогда у меня тоже есть донос, раз вы немедленно мчитесь по ним сломя голову и нарушаете все законы Австрии. Рядом с Веной, герр полковник, всего в сорока верстах к северу, в лесу, злоумышленники организовали целую типографию и печатают сутки напролет прокламации, облигации, ассигнации и газеты. Если вы немедленно туда поскачете, то непременно их арестуете вместе с агрегатами и тоннами продукции. Но имейте в виду, преступники вооружены, многочисленны и заминировали подходы к своей базе. Все, донос окончен. Действуйте.

— Шутить изволите, герр полковник,— Мюллер налился свекольным румянцем негодования.— Смеётесь?

— Отнюдь, герр полковник жандармерии. Доношу истинную правду. Хотите на Библии присягну?— Сергей вытащил из столика толстенную книгу и сдул с нее пыль в сторону жандармов. Пыль едким туманом окутала их лица, и все они дружно чихнули вслед за полковником, в соответствии с субординацией. Вид книги удивил Мюллера и он чихнув три раза подряд, взял ее в руки, раскрыл, убеждаясь что это действительно Библия, покрутил перед носом, чихнул еще пару

раз и, хлопнув ей по столику, кивнул:

– Клянитесь,— Сергей положил ладонь на кожаный переплет и, не моргнув, рывкнул, вскочив:

– Чтоб я сдох!

– Уточните место,— потребовал Мюллер.

– Деревушка глухая рядом — Шоттенвальд. От нее если идти на юг, то с версту. Мимо пройти никак не возможно, даже с завязанными глазами. Здесь же, герр полковник, делать жандармерии нечего, все в рамках закона. Ну, взбрело в голову банкиру распорядиться вот таким образом со своими сбережениями трудовыми, так это его личное дело и законами Австрии не воспрещено, а Библейскими приветствуется.

– Откуда у вас информация о типографии?— Мюллер не собирався никуда мчаться сломя голову. Служил он давно и прежде чем что-то делать, все же привык думать о последствиях.

– Информация достоверная, из источников заслуживающих доверия и проверенных неоднократно. Агентура внедренная работает, герр полковник, в рядах злоумышленников. Безопасностью Империи Австрийской озабочены не только жандармы, смею вас уверить. Отправляйтесь и вертите дырку под орден.

– Мы проверим ваш донос, герр полковник,— скривился недоверчиво Мюллер.— А вот по поводу вашего заявления, что здесь все в рамках Закона, позвольте вам возразить. Беспорядок учинили. Народ возбужден. Мешают проходу и про-

езду. Или вы тут наведете порядок, или я вынужден буду воспрепятствовать.

– Вы правы, герр полковник. Об этом мы не подумали и примем меры, порядок будет как в роте жандармов, после того как она покинула казарму.

– Вот то-то же,– Мюллер довольно разгладил усы, запрокинув их за уши.

– А вот проверку вы зря затеваете доноса. Место там глухое. Заметят ваших агентов злодеи и лавочку свернут мигом. Они же там каждое дерево знают и жандарма, даже переодетого, сразу вычислят. Скачите немедленно. Я вас уверяю, сотни тысяч обнаружите газет и листовок. Уж о гульденах и не говорю. Они купили недавно станок у какого-то мануфактурщика и как блины их пекут, миллионами,– подлил Сергей масло в огонь. Услыхав о мануфактурщике, Мюллер сделал стойку, точь в точь, как лягавая, учуявшая запах дичи.

– Уж, не у Курта ли Мольтке? – спросил он машинально.

– Ну, вот и вы уже слышали о нем,– подтвердил Сергей, и Мюллер вдруг ясно понял, что судьба только что, помахав перед его носом пистолетом и шпагой, сунула в руки счастливый лотерейный билет на 100% выигрышный. Козырнув автоматически, он развернулся и заорал на сопровождающих его офицеров.

– По коням, марш!!!– в голосе Мюллера было столько решимости и уверенности, что офицеры-жандармы сразу про-

никлись и кинулись вон из квартиры, расшвыривая все, что мешало им немедленно приступить к выполнению своего долга. Минутой спустя, два эскадрона жандармов уже мчались на север во главе с полковником, решившим лично принять участие в задержании злодеев-фальшивомонетчиков.

— Миш, ты им подкинь там, в лесу у деревни Шоттенвальд пару тонн бумажек,— попросил Сергей, возобновив выдачу монет нищим.— И порядок наведи в переулке. Я обещал жандармам, что проезду и проходу мешать не будем,— Михаил кивнул молча, и отправился на лестничную площадку. Здесь он выбрал пару работяг покрепче и попросил их навести порядок в очереди.

— Не клубились чтобы, а встали друг за другом. Жандармы переживают и грозятся прикрыть раздачу талеров,— объяснил он им ситуацию и работяги принялись с энтузиазмом строить нищих в колонну по одному, вытягивая ее вдоль стен домов. Очередь загнулась сначала в одну улицу, потом повернула еще несколько десятков раз и оборвалась у кладбища св. Марка, сделав вокруг него пару витков. Известие о том, что нужно стоять непременно точно в затылок впереди стоящего, было принято соискателями пособия безропотно и не было нарушено ни разу.

Михаил организовал для Мюллера в охотничьей сторожке «бонус» из двух типографских станков начала века 19-го и пары тонн макулатуры а вернувшись в квартиру, озадаченно взглянул на Сергея, сидящего с засученными рукавами ру-

башки, сующего талеры в протянутые ладони.

— Не устал, деньги ворочать?— спросил он, выглянув в окно.— Судя по количеству нуждающихся, неделю еще будут идти. Не нанять ли кассиров, с повременной оплатой?

— Я за,— Сергей сунул очередной столбик талеров, завернутый в бумагу, в ладонь очередного бедняка и крикнул поверх голов очереди.

— Господа пролетарии, срочно требуются двое грамотных для ускорения процесса выплаты пособия, оплата поденная — талер,— на его призыв отозвалось человек десять и Сергей махнув рукой, всех их тут же и нанял, усадив на стулья вокруг мешков с талерами.

— Десять еще и лучше. Вот ты, самый представительный, будешь старшим в этой команде. Как зовут?— «Представительный», явно кузнец по профессии, с черными от железа ладонями, кивнул, соглашаясь.

— Иоганном зовусь,— пробасил он и добавил вопросительно.— А что делать ежели замечу нарушение какое?

— Бей в лоб нарушителю и получай премию талер,— разрешил Сергей.

— Слыхали?— грозно обвел временных сослуживцев кузнец и выразительно сплюнул в кулак.

К чести временных кассиров и, к сожалению, Иоганна, никто из них за весь период временной работы уличен в воровстве не был и в первый вечер прощаясь, кузнец даже посетовал:

– Вот ведь как, я даже и не думал, что народ такой честный соберется. Эх, не везет мне всю жизнь.

– Что, значит, не везет? Честных только встречаешь? Поэтому?– удивился Сергей.

– Нет. Я не про то, герр офицер. Кабы честных встречал, так разве бы вздыхал? Прощелыги одни попадают, куда ни плюнь. Вот и работу потерял из-за прощелыги. Мастер у меня в кузне, сам двинул куда-то металл, а на меня свалил. Чуть в кутузку не посадили. А теперь, я так понимаю, что с хозяйского понуждения так-то случилось. Ведь не после выплаты выгнали скажем днем погода, а вокурат перед ней. Спасибо, вы с помощью этой. Семья уж зубы на полку положила за ненадобностью. Большая семья. Десять ртов.

– Молодец. Настоящий мужик,– хлопнул Сергей засмущавшегося кузнеца по налитому плечу.– Живете где?

– Известно где. В подвале. Дорого нынче жилье-то нормальное. Раньше конурка была получше, да пришлось съехать. А подвал пока тянем. Сырой, правда, но ничего. Потерпим, пока работу найду,– Иоганн весело подмигнул Сергею.– Десять талеров, да за три дня еще три, на год хватит, а там Бог даст, не пропадем. Спасибо герру Франкенбергу. Изрядный был скряга, говорят, а оно вона что оказывается. Решил посмертно облагодетельствовать. Это сколь же он монет-то пожертвовал так-то?

– Миллион,– Сергей улыбнулся, увидев поползшие вверх брови кузнеца, для которого сумма эта была настолько

огромной, что не вмещалась в рамки его личной арифметики.

— О-ох,— выдохнул здоровяк, скребя, заросший щетиной трехдневной, подбородок.

— Ты вот скажи мне, Иоганн, почему усы верноподданические не носишь?— поинтересовался Сергей и кузнец улыбнулся, демонстрируя щербатые зубы.

— Так ведь как с такими у горна? Вмиг обгорят и лицо спалишь. Это для дворников, да жандармов удобно, ну еще чиновникам, а работяге оно к чему? Заработок от размеров усов больше не станет. Хозяевам плевать с усами ты или вообще без головы. Молотом машешь, куешь ему деньгу, а как выглядишь при этом, им плевать,— философски заявил кузнец.

— А профсоюзов у вас пока нет?— Сергей вдруг заинтересовался положением рабочего класса Вены середины 19-го века.

— Это как?— не понял Иоганн, явно не слышавший о профессиональных союзах и принципах их деятельности,— пришлось Сергею полчаса растолковывать ему, что это такое и для чего.

— Толково,— согласился кузнец и, взъерошив волосы, вздохнул:— Каб такое было, так и жить было бы полегче.

— Организуйте. Собери для начала человек двадцать потолковее. Устав сочините понятный. Работяги с удовольствием вступят в ваш союз, если вы его пропихнете, как

верноподданническую организацию, озабоченную стабильностью политической системы. Так и напишите – главная цель – сохранение правящей династии. Ну, а если династия окочурится, впишите приемников. Свято место пусто не бывает. И власти приятно и вы сможете работать спокойно, – посоветовал Сергей.

– Да когда же заниматься этими уставами, герр офицер? Работать надо. Семьи у всех.

– Ты не понял. Выберите правление, которое будет оплачиваться из взносов и отчитываться каждый месяц о проделанной работе.

– Да кто их даст добровольно гроши свои? – махнул рукой кузнец. – Каждый за себя.

– Объясните пользу работягам. Поверят и будут платить. Кассу взаимопомощи организуйте с железным учетом. Начинать жить тоже трудно сначала, а потом пойдет все как по маслу.

– И где прикажете этим всем заняться? У меня в подвале? Там нам вдесятером не повернуться, а тут еще я со своими бумагами рассядусь и народ собирать начну. Нет, это не по мне. Я кувалдой привык, а перьями скрипеть не умею.

– Вот так все говорят поначалу, а потом из обыкновенных кузнецов такие вожди получаются, просто загляденье. Главное верить, что нужным делом занимаешься. Семью подключить к этому всю. Жену посадить в кассу, детей посыльными и связными сделать. Семейным делом профсоюз станет и то-

гда смеяться еще будешь над своими страхами и сомнениями. А мы поможем. Из капиталов Франкенберга-скряги, выделим пару сотен талеров на первое время. Помещение вот это профсоюзу передадим. Ну и с Уставом поможем. Напечатаем и зарегистрируем в мэрии. Так как?

– Если поможете, тогда-то конечно,— обрадовался кузнец.

Глава 4

Отдав квартиру в распоряжение семьи кузнеца Иоганна, переписав на него бумаги и зарегистрировав в мэрии первый устав добровольного союза ремесленников, со скромным названием.— "Союз верноподданных ремесленников", парни выдали ему на первичные расходы тысячу талеров, прикинув что их должно хватить с лихвой для старта и распрощались с Веной. Вернувшись домой и узнав последние новости, поняли что вокруг творится что-то необычное. Странные события следовали одно за другим и начались они сразу после их убытия в командировку. Сначала, совершенно одновременно и Катюшу, и Аннушку повестками вызвали в отделения милиции и там в паспортных столах их начальники буквально устроили обоим форменные допросы. Выясняя, кто они и откуда. Этот вариант развития событий был предусмотрен и обе женщины «выдали» хорошо проработанные легенды, проверить достоверность которых, органам было затруднительно по многим причинам. Милиция, в лице паспортисток, от женщин отстала, но на другой же день обе квартиры и Михаила и Сергея, были самым наглым образом обворованы. Воспользовавшись отсутствием хозяев, очевидно, отследив их распорядок дня, обе квартиры были взломаны домушниками и перевернуты вверх дном. Выгребли все ценное и всего за какие-нибудь полчаса. И если Сергей жил в доме самом

обычном, то в квартиру Михаила ворам проникнуть было не просто. Охрана в доме была на уровне самом современном, а квартира сдавалась при выходе на контроль. Причем многоуровневый. Обойти систему сигнализации и видеонаблюдения было не просто.

Но домушники сработали тоже на самом высоком уровне, и это заставляло задуматься. Охрана даже не почесалась и очень удивилась, когда узнала о взломе. Вещи вынесенные, воры вывезли также совершенно для «секьюресов» не заметно, хотя именно в квартире Михаила они особенно тщательно «прибрались», забрав даже постельное белье, сложенное для стирки в корзину. Вывезли грузовиком, судя по количеству и опять же совершенно не заметно. Просмотрев записи на камерах наблюдения, Михаил обнаружил там паузы полчасовые и поинтересовался у начальника охраны, что это означает. Тот в ответ только виновато разводил руками и ничего внятно объяснить не мог, а это означало, что в охране, скорее всего, у преступников был свой человек.

Вслед за квартирными кражами произошло несколько инцидентов более мелких и в другое время не привлечших бы внимание ни Катюши, ни тем более Аннушки. К ним обоем несколько раз пытались «подкатиться» красавцы-мачо, осыпая комплиментами и завязывая знакомство. Назойливо преследуя и провожая до дома, вопреки возражениям. Детишки сообщили матерям, что их постоянно останавливают на улице какие-то дяди и тети и пытаются расспросить о

домашней жизни. Складывалось впечатление, что их семьи взяты под «опеку» разного уровня и этот «колпак», давил со всех сторон.

Общее собрание, рассмотрев внимательно каждый случай в отдельности, пришло к выводу, что появилась какая-то Сила, занявшаяся Михаилом с Сергеем и выяснение, что она из себя представляет, стало задачей номер один, по единогласному мнению всех.

– Что у остальных? Все ли как обычно?– Михаил обвел всех взглядом. «Концессионеры» собрались в доме на набережной и сегодня присутствовали в полном составе.

Федор Леонидович пожал плечами неопределенно.

– Не могу ничего утверждать, я все это время был в Москве. Здесь в основном женщины находились,– на плече у него сидел попугай Кирюха и дремал, резкий рывок плеча его разбудил и Киря, склонив голову, укоризненно взглянул на Академика, но промолчал.– Извини, Кирилл, спи дальше,– Федор Леонидович пригладил хохолок на голове у попугая и тот попытался схватить его за палец, поднырнув снизу. Не смог и потоптавшись, клюнул слегка хозяина в темя. После этого уgomонился и снова прикрыл веки. Академик осторожно потер голову и замер, стараясь не шевелиться.

– Тихоновна, как у вас?– Агафья Тихоновна наморщила лоб и с сомнением покачала головой:

– Я и не знаю. Будто и ничего такого. Вот сосед появился разве что новый. Купил домишко у наследников Матрены.

Старуха-то уж три года как померла, а подворье все пустовало. Огород бурьяном зарос. Внуки даже на похороны не явились. Мы с Силиверстовичем похоронили, а тут вдруг нате вам, явился не запылится внучек и продал участок вместе с завалухой. Покупатель, мужчина видный такой, с усами. Пригнал бульдозер с экскаватором. Домик своротил и яму вырыл, сваи туда забил и сруб поставил в два этажа. Терем боярский теперь рядом с нашей избенкой. А мы вроде сарайчика, при этом дворце притулились. Ну, и заходил этот сосед-то. Его звать странно – Фаддеем и отчество тоже не обычное Сигизмундович. Вот, значит, какой колоритный – Фаддей Сигизмундович. Пришел среди дня, вошел не постучав и сразу о купле участка разговор завел.

Дескать, ему тесно на Матренином подворье, дескать, дом-то большой, а стенами по забору скребет. Денег предложил много.

– Сколько?

– Пять тыщ сулил, – гордо окинула взглядом присутствующих Агафья Тихоновна.

– Евро? – улыбнулся Михаил.

– Сейчас. Наших расseyских, – обиделась Агафья Тихоновна за родную валюту.

– И что вы этому Фаддею ответили?

– Выпроводила. Сказала, что не продажная я, – Агафья Тихоновна скосила лукаво взгляд на мужа и Силиверстович хекнул.

– Ну, мать, обрадовала. Отстояла родные пеналы.

– Пенаты, дядюшка,— поправил Михаил.

– Вот, вот. Грудью за эти пенаты встала. Есть где голову преклонить. Спасибо, мать, что не сделала бомжом на старости лет.— Силиверстович поклонился Агафье Тихоновне, и та щелкнула его легонько по лбу.

– Будет тебе кривляться, старый. За дурочку все держишь? Сама знаю, что мало давал этот Фаддей. У меня хоть и пять классов с коридором, но из ума пока не выжила и цену родному дому знаю.

– Это сколько же?— всплеснул руками Силиверстович.

– Денег у энтого рыжего столь нет,— поджала губы Агафья Тихоновна.

– О как! А у кого есть?

– Ни у кого,— улыбнулась в ответ Агафья Тихоновна.— Отстань, не то осержусь. Так ведь этот-то Фаддей Сигизмундович в тот день еще раз пять приходил. Уйдет и через полчаса опять бежит. Все цену набавлял. Сначала по тысяче, потом и десять прибавил. А потом осерчал, назвал «глупой бабой» и пообещал устроить мне веселую жизнь. Это дней пять назад было. Значит, скоро начну веселиться как-то с его слов. А все остальное, как всегда. Лео немножко желудком прихворнул позавчера, но это он съел чего-то, а вчера уже носился как обычно.

– Сергей, разберись с соседом. Похоже, что там свой «колобок» появился,— Михаил взглянул на мать.

– У тебя, ма, как?

Нина Андреевна закрыла глаза, сопоставляя последние дни с днями предыдущими и так же как Академик, пожала плечами.

– Да все вроде как обычно. Сантехники вот трубы только поменяли все, так это у всех в доме по плану меняли. Разворотили пол и потолок, пришлось нанимать рабочих, чтоб за ними прибрали.

– Сантехники? Здоровые такие парни, гвардейцы?

– Обычные мужики в спецовках, с буквами на спине "Петро..." там чего-то.

– Ладно, я проверю трубы. И все? На улице никто не приставал с намерением познакомиться?

– Нет,– вздохнула Нина Андреевна с сожалением и Петр Павлович взглянул на нее, приподняв правую бровь.

– Что за «вздохи на скамейке»?

– Старая стала, не пристаёт ни кто,– объяснила Нина Андреевна вздох.

– А я?– Петр Павлович даже привстал возмущенно с дивана.

– Ты тоже старый,– фыркнула Нина Андреевна и расхохоталась так заразительно, что сразу сняла возникшее общее напряжение. И все «непонятки» последних дней показались скорее забавными, чем опасными.

– Ладно, закроем пока тему, но никому не расслабляться. «Завесы» с собой носить не забывайте. На себя и детей. Мы с

Сергеем займемся проверкой домушников и милиции, ну и «колобка» этого Фаддея Сигизмундовича, который зачем-то траванул Лео,— Михаил подвел итог собранию.

— Что-о-о?— Сергей в лице переменился.— Траванул? Точно?

— Точнее некуда. Лео,— из прихожей примчался пес и лизнул ему протянутую руку.— Дрянь какую-то в колбасу сунул. Серега, ты почему его не приучил, не брать еду из чужих рук?

— Да где же эти руки там в Федоровке? Все свои. Ну, гад рыжий, держись,— Сергей насупился, обняв Лео за шею.

— Вот значит какое «веселье» решил сосед-то устроить,— Агафья Тихоновна насупилась.— Ну что такое с людьми, Господи? Что им неймется? Почему мешают им другие люди?

— Ты, мать, столько вопросов задала Господу, что Он, похоже, растерялся. Можно я за него отвечу?— подал голос Силиверстович.

— Ответь,— разрешила Агафья Тихоновна, перекрестившись на всякий случай.

— Люди, мать, с ума посходили от дурных денег, которые нынче можно украсть в количествах прямо несметных. Вот у многих этот взлет из «грязи в князи» слегка мозги «клинит». И неймется им по этой же причине. Раз есть деньги, значит все через них можно. Тебя, например, вместе с избушкой скovyрнуть. Ну что ты такое в их понимании? Недоразумение, мешающее жить нормально. У него в голове план, а ты в

него не вписываешься, вернее ломаешь стройность. И денег он тебе много посулил, а ты ишь какая. Вместо того, чтобы поклониться земным поклоном и уползти на кладбище и зарыться там, гонор свой ему продемонстрировала, несогласием. Для него это так же не понятно, как если бы червяк выполз дождевой из грядки и стал «права качать». Он же, Фаддей Сигизмундович, а у тебя для него и имени пади нет. Бабка строптивая. Ты про людей спросила, но я так понимаю, что с людьми некоторыми произошло самое страшное, что может с ними произойти. Они людьми быть перестали. Заползло что-то в них, во многих и нелюдьми стали. Я сам сначала изумлялся, когда с такими сталкивался, но это по первости, а теперь уже пообвык и просто сторонюсь по возможности. Мертвечиной от них за версту несет. Не едят, а жрут, не любят, а сексом занимаются, не дружат, а связи налаживают, не работают, а делают деньги. Все нормальные понятия у них подменены на похожие, но все какого-то гадостного свойства. Господь уже слезами кровавыми на иконах заплакал. Отчего это? От того, что много их таких «колобков». Жалеет их Господь, умерших, душу продавших. Я вот недавно прочел в Библии – Господь спрашивает:– «Найду ли верных?» Не верующих, а верных. Не знающих, а верных. И почему-то подумалось, что многие путают Веру с Верностью. Думают, что это одно и то же. Есть Вера, значит само собой Верный. Но даже и это оказывается не так. А уж если и Веры нет, то о какой верности вообще говорить можно? Верность

Вере и Богу. Вот о чем Господь сокрушается, а Вера в себя или еще во что-то Его совершенно не интересует. Это сугубое дело и воля каждого и многие нынче и Веры не имеют и с Верой Верности не обрели. Этот вот Фаддей без Веры и Верности, совсем, значит, мертвец. Те, кто Веруют, а по слабости своей не верны, т.е. не стойки в Вере, все же живы и надежда жива, что обретут ее. А этот...— Сильверстович махнул рукой.— Я вчера нашего патриарха нового по телевизору увидел, и он про Веру сказал, знаете что?

— Что?— насторожилась Агафья Тихоновна.

— Привел слова Спасителя, про то, что «если бы Вера в человеке была с горчичное зерно, то Он мог бы горы сдвинуть».

— Правильно сказал,— Агафья Тихоновна опять перекрестилась.

— Правильно повторил слова, а потом свое мнение высказал, что в данном случае это метафора. Поэтический слово-оборот такой, дескать. Что, мол, имеется в виду под словом «гора» нечто иное. Целеустремленность, сила духа, молитвенный подвиг и еще всякое разное. А не гора как таковая в натуральном виде.

— Неужто Патриарх Кирилл так сказал?— обомлела Агафья Тихоновна.

— Слово в слово. Это говорит главный священник сегодняшней Русской Православной Церкви. Это что, слепота духовная? Или он боится, что его уличат в отсутствии Веры,

потребовав доказывать его личный уровень Веры сдвиганием гор? Это и есть отсутствие Верности. Вера – размером с зерно горчичное, многим кажется оскорбительной, своей ничтожной величиной и не понимают они, что Господь таким образом о ее Силе сказал. У многих она размером с атом этого зерна и этой величины хватает, чтобы душу спасти. Ведь и так можно понять, а уж с зерно если, то горы сдвинутся по слову такого человека натурально, у меня и сомнений нет. А у патриарха – это метафора. Он Верный? Нет. Он сомневающийся и колеблющийся, а стало быть, слепой. Духовные слепцы ведут слепых.

– И что же делать нам теперь?– Агафья Тихоновна, даже всплакнула.

– Молиться, чтобы Господь пелену с глаз убрал у иерархов, пока они не завели стадо Христово на бойню. Ведь что вытворяют. Ордена церковные раздают направо и налево всем Ворам нынешним, кого ни возьми. Что ни Вор с большой буквы, обязательно при ордене от РПЦ. У Ельцина – два ордена, у Путина шесть, у Медведева два, у Матвиенко – пять и т.д. Ощущение такое, что торгуют орденами на вынос. Сыпят щедрой рукой. Даже у Собчака есть, посмертно, правда, орден от РПЦ. За то что умер и воровать таким образом стал не способен. Немцов – один орден, Кириенко – два ордена РПЦ, очевидно, за то что «сдал» западным корпорациям атомную энергетику. У Германа Грефа, который лизоблюдствовал перед госдепом США и заявил на весь

мир, что Россия – это труп, есть орден РПЦ. Что это? Слепота или предательство? Что творят – не ведают? Награждают орденами церковными олигархов – воров и преступников по определению. До смешного доходит. Иудеев правоверных обвешивают. Кобзон – певец и олигарх – два ордена получил. Не будем касаться его человеческих достоинств. Он иудей и рьяный при том, а это уже не дает право иерархам награждать христианским орденом такого человека. Это путь к экumenизму, вслед за некоторыми греческими епископами, которые уже участвуют в соборных и совершают совместную евхаристию публично. Таинство самое сокровенное превращают в шоу. Колдуны с бубнами кривляются рядом с православными греческими епископами и «причащаются» крови и тела Христова. И что мы имеем в результате? Опрос показал в этом году, что 70% избирателей в России за существующий порядок. Они что слепые? Нет – это «колобки». Вот столько их у нас сегодня. Оставшиеся 30-ть процентов – это люди не определившиеся и те кому все равно, кто там сидит в Москве. Явных противников процентов – 10%, но это не означает что вот они то и есть зрячие и Верные. Среди этих десяти процентов, если взять их за сто, девяносто девять – это коммунисты и только один процент из них люди как-то связанные с религией. И опять же не обязательно с Христианской. И вообще религиозность и политические взгляды как-то совершенно по нынешним временам не зависят друг от друга. Странно даже. Где же эта масса, которая ломится

в храмы по субботам и воскресеньям? Чем головы их наполнены и души, если выйдя из храмов они идут и голосуют за Воров? Удивительно. Много званных, да мало избранных? Избранные – вот Верные они и есть. И Господь сетует на то, что позовет и соберется народу много, а избрать-то и некого будет,— Силиверстович огорченно замолчал.

Остальные тоже молчали и затянувшаяся пауза, повисла в гостиной дамокловым мечом.

Всхлипнули Катюша с Аннушкой, причем обе одновременно и даже в унисон.

– Э, подруги, вы что?– Сергей обнял Аннушку за плечи, и она заревела чуть не в голос.

– Что за рыдания?– Сергей принялся поглаживать вздрагивающие плечи жены, а она сотрясалась от рыданий, пытается что-то сказать.— Ну, ну что?

– Жалко людей-то!– просипела сдавленно Аннушка и захлопала снова носом.

– Катюш, и тебе жалко?– Михаил обнял тоже жену и прижал к себе. И она послушно закивала, всхлипывая.

– Силиверстович, прекрати пугать людей лекциями о бездуховности. Я с тобой не согласен по поводу процентов и рейтинга. Там все за уши притянута. Реальные цифры совсем другие. И люди, которые в храмы по субботам и воскресеньям «ломаются», они туда не просто так «ломаются». У них потребность, значит, есть. И не бегут они голосовать за воров все поголовно. И Верные среди них есть и много их.

Я же вижу. Общаюсь. Понимают люди и вот так же, как мы, переживают. Сердцем болеют, а значит – не мертвецы. И понятия у многих сохранены правильные, а не подменные. А Патриарх хоть и главный священник в РПЦ, но и он человек и ошибаться ему, как любому из нас, возможно. Все грешники и он не исключение. Перепугал женщин до смерти, – ворчал Михаил, обняв жену.

– Ну, это я немножко заострил вопрос, так сказать, – принялся оправдываться Силиверстович. – Оно, конечно, все не так страшно, как с моих слов понять можно. Так что вы, девки, реветь прекратите белугами и марш на кухню ужин готовить. Что за дом такой? Когда ни придешь, сплошной плач стоит. Чая не допросишься. У меня, между прочим, режим. Я уже минут десять как голодаю.

– Ой, дядюшка, да что же вы молчите, как воды в рот набравши? – Катюша прекратила хлюпать в ворот рубахи Михаила.

– Я молчу? Ну, ладно молчу, молчу, – согласился Силиверстович, встретившись глазами с Михаилом.

Вечером к Михаилу заглянул Вениамин Красильников, он собрался уходить, закончив рабочий день и сначала зашел к своим, а потом и к Соболевым заодно позвонил, чтобы посочувствовать «обнесенным» домушниками соседям родителей. С Михаилом они недели две не виделись, поэтому оба искренне обрадовались.

– Катюш, Вениамин пожаловал, чайник на стол, – Михаил

пожал руку парню и потащил его на кухню.— Рассказывай, как там у тебя? Все нормально?

— Нормально. Вы как? Что там по краже?

— Милиция ищет. Все свои дела бросила и в погоню кинулась. Скоро злодеев поймают, изобличат и на скамейку посадят.

— Шутите. Катюш, я сыт. Только что от своих ведь. Бабуля-то навряд вас, пока не накормит, не выпустит. Ей все время кажется, что я худой, что голодаю, недосыпаю.

— Веньша, да ты и в самом деле с кругами под глазами, я смотрю. Права Мария Егоровна-то. Или зазноба завелась? Мишань, глянь-ка на Веньшу, покраснел. Угадала что ли? Значит, на свадьбе скоро гулять будем? Или не пригласишь? Так мы и сами заявимся. Я пока не удостоверюсь, что девица работающая, да пригожая, не благословлю, так и знай,— Вениамин от Катюшиного напора даже опешил и машинально схватился за румяный пирог и кружку с чаем.

— Во-о-о-т!— констатировала Катюша.— Сразу аппетит появился. Кушай, Веньша, поправляйся. Лица ведь на тебе нет,— Вениамин мычал с пирогом во рту и протестующе махал руками.

— Не буду вам мешать. Поговорите,— Катюша погладила Вениамина по голове и вышла из кухни.

— Они что сговорились?— Вениамин проглотил кусок.— Егоровна ту же песню сегодня завела.— «Жениться пора, внучек».— А у меня нет пока никого «ни работающей, ни приго-

жей», я ведь на вечерний поступил, вот и сию допоздна. Голова чугунная, извилины информацию не воспринимают,— Вениамин вздохнул и улыбнулся.— Какая она у тебя. Пришла, хватать за шкурку и все что скажет, сделаешь.

— Ну так, брат. Я ее пока встретил, чуть ноги по колени не стер,— Михаил подмигнул и пододвинул к Вениамину поближе плетеную из соломки тарелку с пирогами.— Ешь. Увидит что не съел, ох осерчает и попадет тогда обоим. По поводу извилин, на-ка вот методику по прочистке мозгов. Простенькая, но очень эффективная. Дыхательная. У нас в семье все ей пользуются, даже пацаны. Память просто зверской становится. Мои-то пацаны вообще, только письменные уроки делают, а все что устно задают, по уроку помнят. Я, если вижу, что сидит кто-то из них с учебником Истории или Литературы в руках, значит, самостоятельную работу задали и на уроке не объясняли. А Пашка вообще хитрец, прочитал еще летом все заранее и теперь дремлет на уроках. Даже запись принес в дневнике.— «Уважаемый, Михаил Петрович, ваш сын Павел спит во время уроков истории».— И стоит при этом пятерка за этот же день.

— Он что весь учебник наизусть выучил?— удивился Вениамин.

— Нет, конечно. Прочитал по методике этой. Она простая, но очень действенная,— Михаил протянул лист бумаги Вениамину и тот принялся читать, удивленно приподняв брови. Прочитал и недоверчиво взглянул на Михаила.— И все? Так

просто?

– Да, как все гениальное.

– Так почему бы ЭТО не внедрить в школах?

– Пробовали. Пашка с Петькой всем одноклассникам раздали по экземпляру.

– И что?

– Смеются. А один второгодник знаешь как их обозвал?

– Как?

– Иисусики.

– А Пашка с Петькой что?

Михаил кинул быстрый взгляд в сторону дверей кухонных и прошептал: – Шею намылили придурку и записи в дневнике приперли о безобразном поведении. Пришлось идти в школу, чтобы конфликт этот урегулировать и страничку устранить из дневника, чтобы Катюша не переживала. Ты смотри не проговорись. Мальчишек я предупредил, они уже соображают где вранье, а где героическое молчание для спокойствия близких. Так что у меня с ними уже от Катюши тайна есть общая, а это сближает. А методика не прошла в отдельно-взятом классе. Не поверили. Из листков самолетики свернули и в форточку запустили, чей дальше улетит. Дальше всех у «придурка» улетел и столько жвачки он выиграл, что от радости видать и на язык стал несдержан. А вообще моих в классе стараются не задевать. Их же двое.

– Поверить значит нужно в методику?

– Или в форточку, в виде самолетика пульнуть. Тебе ре-

шать. Как там братишка-то твой? Когда на дембель?

– Звонил. Говорит, что вот-вот. Родители уже ему шмоток накупили. Ждут. Только и слышу,– «Ванечка скоро придет». Соскучились, понятно, за год.

– Служил-то где?

– Мотострелок в Воронеже. Ефрейтор, блин.

– А чего так пренебрежительно?

– Да вспомнил поговорку, что «лучше иметь дочь гулящую, чем сына ефрейтора»,– улыбнулся Вениамин.– Армия нынешняя российская это вообще что-то.– «Полгода дураком – полгода стариком».– Чему их там вообще успевают научить? Автомат собрать, разобрать?

– Хоть этому учат еще. У меня такое ощущение, что скоро вообще и автоматы изымут. Выдадут дубины. Я тут недавно в сети подборку новостей смотрел и наткнулся на фоторепортаж о пребывании президента Медведева в войсковой части какой-то. И вот он там на стрельбище палит знаешь из чего?..

– Ну?

– Из пулемета «Максима». Где они его откопали для этого интересно? Из музея что ли приперли, но сам факт по себе интересен. Заявился, значит, президент и говорит:– «Хочу из "Максима" пострелять». Мозги у него определенным образом сориентированы и генералы это чувствуют, поэтому пулемет такой сразу нашелся. Или с собой привез? Как ты думаешь?

– С собой, конечно. Это же сколько пядей нужно быть во лбу, чтобы такое предусмотреть и заранее запастись, да еще технически исправным? А если бы он из пищали времен Ивана Грозного вздумал пальнуть?

– Вот и я про это же. Армию целенаправленно разоружают. Сначала заявив, что переходить нужно на контрактную основу. Даже сколько-то этих контрактников набрали. И где эта армия профессионалов? Офицерские училища закрывают, я уж о военных кафедрах и не говорю. Единственный регион в России, в котором военная подготовка населения на высоком уровне и вооружение тоже самое продвинутое и современное – это Чечня. Кадыров время не теряет и боеспособность повышает. Молодец.

– Да уж!– Вениамин нахмурился.– Думаешь третья чеченская назревает?

– Обязательно будет и первые две по сравнению с ней покажутся детскими войнушками.

– Весело. Спокойно пожить не дадут народу?

– Размечтался. Каждому дню радоваться нужно мирному. На пороховой бочке страна сидит. Здоровенная такая бочка и в котором месте рванет, никто не знает. Как у Пушкина «Пир во время Чумы». Кругом чума и сидят люди пируют. Это Россия нынешняя и есть.

– А что делать-то?

– Вопрос вечный и ответ тоже. Жить и знать. Живи, Вениамин Станиславович, учись, работай, женись, детей ро-

жай, воспитывай их и будь готов, что это все нужно будет защищать. Поэтому прежде чем куда-то соваться, думай. Сам ты этого хочешь или тебя суют, вопреки здравому смыслу и пользе. Для тебя, для родных и близких, для народа. Не вот этих пирующих, а для того, который был, есть и еще будет. Для православного, для Богоносного. Вот и вся правда. «Сядь и подумай» – это китайцы так говорят и я с ними полностью согласен. У русских тоже похожая поговорка есть. – «Спешка нужна при ловле блох».

– Спасибо, Михаил Петрович, обязательно эту поговорку у себя в мастерской вот такими буквами на стенке напишу. Прямо напротив входа, – улыбнулся Вениамин. – Я вот чего еще зашел. Тут ко мне пару гавриков подкатывали дня за два до того, как вашу квартиру обнесли. Скользкие какие-то. Расспрашивать пытались. Ну, я их отшил, а потом видел как они к охраннику подгребли и очень с ним оживленно перекуривали.

– О чем расспрашивали и как охранника зовут?

– Пытались расспросить, кто я и чем тут занимаюсь. Ну, я и отшил сразу, терпеть таких ненавижу. Я их гнид за версту чую. В глаза не смотрят и язык как помело. А охранника Виктором звать. Мелкий такой, молодой. После армии в милиции успел послужить немного. Потом сюда перебежал из рядов насквозь коррумпированных. Тихушник вообще-то и языком молот не любит. Себе на уме парень, а тут, смотрю, разговорился. Стоит, руками машет. Он сегодня, кстати, де-

журит. И в тот день, когда вас грабнули, тоже он сидел на входе. Ну я сопоставил хрен с носом, а уж вы решайте интересно это или можно мимо глаз пропустить. Я бы потряс Витька.

– Тряхнем. Еще чтонибудь есть?

– Есть. Батя говорит, что вчера видел и сегодня тоже, что за пацанами вашими двое парней от самого дома в сторону школы увязались. Он случайно обратил внимание. Курил на балконе. Он у нас один в семье шмалит. Беломор причем.

– Знаю и что?

– Не понравилось ему, что как только Пашка с Петькой из калитки выскочили, так сразу со скамейки эта сладкая парочка и привстала. Вчера, он говорит, просто за угол следом завернули, а сегодня там джипяра их поджидал, так они сначала подошли и надо полагать доложились, а потом бегом помчались догонять пацанов. Как бы не «киднепинг» тут, Михаил, готовят. Теперь это модно.

– Спасибо. Учту. Это все?

– Пока да. Если хотите я возьмусь сопровождать мальчишек туда и обратно, мне не трудно. Школа рядом, полчаса в день потеряю «не в лом».

– Ты присматривай, Вениамин, за ними, а сопровождать я сам буду пока. У меня и время свободное сейчас есть. Спасибо.

– Хорошо. Ну, я тогда побежал. Дел еще сегодня выше крыши. Методику беру.

– Бери,— Вениамин допил чай и ушел, попрощавшись с Катюшей.

– Что он там о детишках говорил?— забеспокоилась она.— Я краем уха слышала. Что Станислав Борисович на балконе курил и что он там увидел?

– Следят за Петькой с Пашкой. Похожу с ними, присмотрю. Ну и ты Семку с Федькой паси с «Завесами».

– Неужто все так серьезно, Мишань? Кто же это?

– Сегодня и выясню.

– Может нам ребятишек от греха в Москву отправить?— Катюша выглянула в окно и улыбнулась. Мальчишки носились с мячом на спортивной площадке.

– Подготовить их для этого нужно. Объяснить. Пашуня с Петрухой, конечно, быстро во все вникнут и вполне адаптируются, а вот Семка с Федюней...

– А что? Семушка и Федюша глупые у нас что ли?

– Нет конечно, Слава Богу. Но в срочной эвакуации я необходимости пока не вижу. Справимся, думаю, без беготни. Зови разбойников, ужинать пора, а я отлучусь на вахту, переговорю там с охраной по поводу контроля за входом,— Михаил обнял жену и щелкнув пальцами, восстановил тюлевые занавески, которые висели на кухне до квартирной кражи и были сняты ворами.

– Извини, совсем забыл, что здесь вот такие висели,— улыбнулся он.— Назло им все сделаем как было,— Катюша засмеялась и потрогав руками ткань, покачала головой.

– Интересно это та же или другая?

– Та же? Зачем нам та же? Такая же. А ту же, пусть они себе на портянки используют. Наверняка ведь содрали, чтобы посуду упаковать. Мне вообще непонятна эта тщательность. Давно уже так не «обносят» квартиры. Нашу буквально «подмели». Мебель бы еще вынесли. Интересно почему не стали это делать? Не понравилась что ли?

– Не успевали они, Мишунь. Времени у них мало было. И так бегом видать бегали. Поэтому крупные вещи оставили. А как хорошо бы было обновить мебель-то. Вон у диванчика-то уже спинка поцарапана. Это Кеша клювом своим раздолбал. Тут Федор Леонидович любитель посидеть.

– Ну, Катюнь, ты меня просто поражаешь своим отношением к вещам. Другая бы голосила неделю.

– У другой муж, потому что рядом бы зубами скрежетал, а мой «перстами щелк» и посуда вся на месте,— засмеялась Катюша.— Иди уже.

Глава 5

В помещении охраны, которое двумя огромными окнами на первом этаже, смотрело во двор дома и на улицу, Михаил вошел как раз в тот момент, когда охранник с именем Виктор, закинув ноги на журнальный столик, сосал пиво из банки и смотрел по телевизору, купленному на найденные Вениамином деньги, футбол. Сборная России играла с командой немцев и Виктор очень переживал за наших, так что даже не обратил внимания на вошедшего. Его напарник по смене, очевидно, не был таким рьяным болельщиком как Виктор, поэтому пялился в мониторы числом десятков и вошедшему Михаилу кивнув приветственно, указал на стул рядом с собой. Охранники обустроены были неплохо даже по нынешним российским временам. Им попросту выделили трехкомнатную квартиру, которая была обеспечена всем необходимым и если бы не система наблюдения с пультом, то вполне могла сойти за жилую и даже комфортную, средней руки буржуя.

Второго охранника звали Егором Степановичем и был он по совместительству заместителем начальника охраны, которая состояла из семи человек вместе с начальником. Дежурили сутки через двое. Степаныч был пенсионером военным, ушедшим в отставку по сокращению, в звании майора и относился с глубоким уважением к Петру Павловичу, с

которым skoreshilsya, почувствовав в нем родную «военную косточку» с первого взгляда. Они даже при разговоре выяснили, что служили в одних и тех же местах некоторое время. Не пересекались, правда, никогда по причине самой что ни на есть банальной. Это «некоторое время» и у того и у другого не совпадали календарно. Уважение это и доброе отношение, с Петра Павловича автоматически было перенесено Степанычем и на Михаила со всем семейством. Мальчишки запросто называли его «дядь Егор», а Михаил с Катюшей – Степанычем. Пожав руку Михаилу, Степаныч скосил глаза в сторону Виктора, а тот, узнав Михаила, поприветствовал его, приподняв над головой пивную банку, на которой красовался ноль, и являлось оно соответственно безалкогольным.

– Какой счет? – хлопнул Михаил по подставленной ладони и, усаживаясь рядом на диван, подмигнул Степановичу. Тот поняв, что Михаил пришел для того чтобы «побазарить» именно с его напарником, отвернулся к экранам.

– Наши давят, немчура выигрывает. Аршавин, блин, опять с травмой, – Виктор брякнул банкой по столу и убрал с него ноги. – Извини, пива только эта банка была.

– Перебыюсь. Я смотрю, сейчас первый тайм закончится, судья щеки надул со свистком. Выйдем, мне с тобой тет-а-тет переговорить нужно. С глазу на глаз, если по-русски, – предложил Михаил. Судья свистнул, на экране появился рекламный слоган о прокладках с крылышками и Виктор, прихватив пачку сигарет, с готовностью встал: – Пошли, тут все

равно курить Степаныч не разрешает. Сам курит и сам не разрешает.

— Ну и что, что сам курю? Люди-то заходят не курящие. Я и дома на балконе дымлю, а не где попадя. Ничего не пере-ломишься,— откликнулся Степаныч.

Виктор хмыкнул, но промолчал и вышел из квартиры на площадку. Здесь курить тоже было нельзя и поэтому он выскочил во двор и присел на скамейку при выходе, которая для курящих была в самый раз и приспособлена. Две урны сжали ее с двух сторон, а прямо над ней к стене был при-собачен пластиковый козырек, чтобы курильщики могли да-виться дымом в любую погоду. Даже табличка висела на сте-не с надписью полушутливой, полуироничной.— «Место для курения, нормальным людям пользоваться воспрещается!»

— Ты, я знаю, не курящий, Михаил, но все равно садись. Со мной можно,— пошутил Виктор, откидываясь на спинку ска-мьи.— Все насчет кражи шустришь? Я правильно догадался? Зря ты нас дергаешь. Все что мы знали, уже сказали. Вошли и вышли эти козлы как-то необычно. В тот день несколько грузовиков проскочило с материалами и мусор вывозили. В трех квартирах жильцы ремонт затеяли и «Газели» из строй-маркетов заказывали с сыпучкой. Ты с них начни. Наверняка чтонибудь, зацепишь. Ментам, мы все это же посоветовали, но они сам знаешь, как работают? Я-то изнутри систему эту на своей шкуре прочухал. Никому, ни хрена там не нужно. Бумажки пишут в лучшем случае и все где-нибудь сторожа-

ми подрабатывают. Я поэтому и ушел. В сторожах больше получается, и козырять никому не нужно, не понятно, за каким хреном,— Виктор затынулся и сплюнул в урну.

— К тебе подходили двое накануне кражи, что хотели?— не стал ходить вокруг да около Михаил.

— Вот ведь народ!— опять сплюнул Виктор в урну. — Донесли. Кто стуканул, не подскажешь?

— И что, если подскажу?

— Спрошу, какого хрена языком метет. Подходили накануне и не только накануне, а каждый день ктонибудь, подходит. С работой сам знаешь как сейчас. Вот народ и суетится. Эти тоже спросили о вакансиях. Ну, у нас полный штат и расширять его не собираются. Так и сказал. Этих я запомнил, потому что одного с детства знаю. В школе вместе учились и жили в одном дворе на Васькином острове. Тимохой зовут. Тимофей, значит. Батя у него на заводе слесарит, мать продавец, сам ни то, ни се. Армия и больше ни хрена. Болтается сейчас, как дерьмо в проруби и приятель его видать из таких же. Сивухой от них несло. Работы нет, а живут весело. Тимоха все про школу вспоминал, ну и зацепились языком. У него сестренка классная, я на нее еще в школе было запал, но... Замуж вышла за француза и свалила за бугор. Подбрасывает теперь семье копейки, они и рады. Фотографии показал на этой башне в Париже шелкнутые. На Эйфелевой, ну да. А сестрица-то растолстела, я и не узнал. Сейчас бы и не взглянул. Думаешь, Тимоха не просто так тут

шлялся? А я думаю, что случайно пересеклись. Дружбан у него явный алкаш. Глаза тупые и перепуганные. Последняя стадия, но ухоженный. Значит, семья содержит пока из жалости. Не помню, как назвался. Да он и молчал все больше. Короче, Михаил, вычеркивай меня из списков потенциальных «кротов», я конечно не ангел и хрен с разных концов жевать приходилось, но там где живу и работаю, не гажу. Это я с виду такой «отмороженный» и придурковатый слегка, а внутри весь белый и местами пушистый пока еще. Адресок Тимохи дать?

– Давай. – Виктор полез в карман за ручкой, но Михаил остановил его, положив ладонь на плечо. – Я запомню. Виктор назвал адрес и даже номер телефона Тимохи.

– Еще есть вопросы, а то там второй тайм уже начался? – спросил он.

– Нет. Пошли, мне еще со Степанычем переговорить нужно. Да, ты не обратил внимания, тут какие-то двое пасутся второй день рядом. В джинсе.

– Я сегодня в 9.00 заступил. Не видел таких, – Виктор поднялся и бегом помчался в караулку.

Степаныч, который также заступил с утра, но явился на работу на час раньше, на поставленный вопрос, молча ткнул в пару клавиш и прогнал запись с 7.00 до 8.30-ти. Двое в джинсах появились в сквере напротив дома, и присели на скамейку ровно в 7.30-ть. Они курили, разговаривали по мобильному телефону, спорили друг с другом, размахивая ру-

ками, и даже выпили бутылку чего-то спиртосодержащего, с оглядкой прямо из горлышка. Досидели до появления Петьки с Пашкой и, увидев их выходящих из калитки ограды, пошли следом. До угла от калитки, за который повернули близнецы, было всего метров пятьдесят, и там уже стоял тот самый «джипяра», о котором упомянул Вениамин. С тонированными стёклами, он содержимое салона не демонстрировал, но опустившееся стекло справа от водителя, из которого высунулась голова абсолютно похожая на бильярдный шар, оставалось номер нарисовать, позволяло определить, что в салоне было как минимум двое. Лысый, что-то крикнул мальчишкам и пацаны, махнув руками, свернули за угол. Потом лысый так же окликнул двух в джинсе и они, остановившись, минуты две что-то ему объясняли... или докладывали.

– Все. Мне на этой записи, кроме твоих пацанов, никто на глаза раньше не попадался. Это точно. Визуалка у меня, Слава Богу пока еще, – Степаныч повернулся к Михаилу. – Если появятся опять, что делать? Ментов вызвать или тебя?

– Меня. Я несколько дней с пацанами погуляю за няньку сзади, присмотрюсь. Визуалка у меня тоже, Слава Богу, жаль, что рожи далеко находились. Нельзя увеличить, какнибудь?

– Увы. Правление дома экономит на мониторах и камерах. Дерьмо китайское закупило. Силуэты одни. Менять нужно. Я уже начальнику нашему намекнул. Он стесняется. Гово-

рит, что и так нам зарплату министерскую платят.

– Аппаратуру обновим, завтра же я мастеров подошлю,— Михаил попрощался с охранниками и поднялся к себе.

Сыновей он застал у экрана телевизора, они так же как и Виктор-охранник болели за сборную России, но в отличие от него, без банок пива в руках.

Расспросив Петьку с Пашкой о событиях утренних, Михаил выяснил, что «дяденька с головой блестящей спросил про метро, в какой стороне».

Созвонившись с Сергеем, они скоординировали свои действия на завтра и договорились выехать на выходные в Федоровку семьями. Сентябрь заканчивался, но в этом году осень не спешила, и погода стояла хоть и не летняя уже, но солнечная и погожая.

– Послезавтра утром у меня. За водилу попробую опять Вениамина привлечь. Можно и его семью взять с собой, но мест на всех не хватит в автобусе. Их шестеро и нас четырнадцать душ, пора автобус полноценный покупать.

– На фига? Давай возьмем еще один такой же, как у тебя? Договорись, чтобы ставить разрешали в гараж ваш, и я подгоню хоть завтра. У меня сосед продает. По доверенности пока поезжу.

– Ты за рулем?

– А что?— Сергей фыркнул в телефонную трубку.

– А пиво?

– Потерплю ради семьи,— горестный вздох ворвался в ухо

Михаила, и он сморщился, убрав трубку от уха.

– Ловлю на слове. Лично я себе замену нашел непьющую и некурящую. Пойду с соседями пообщаюсь. Может, у них совсем другие планы на выходные, а тут мы со своим предложением не своевременным, насчет пикника.

Соседи планов на выходные особенных не имели, даже девчонки запрыгали и заметались по квартире, будто ехать нужно было прямо сейчас.

– Надюша, Галка – это послезавтра утром, успеете собраться, – притормозил их Михаил. – Еще шесть мест свободных будет, так что можете подружек или бойфрендов прихватить.

– Фи, бойфренды. Больно надо, – Галка сверкнула глазами и умчалась к себе в комнату, а Надюша опять покраснела и спросила:

– Можно я из класса двух девочек приглашу?

– Можно. Выедем в 9-ть. Без опозданий чтоб, скажи им. Ждать не будем.

Утром Пашка с Петькой выскочили из квартиры и помчались по лестнице, устраивая побудку тем, кто еще не успел обзавестись детьми и нежился в постелях после ночных посиделок в клубах и бильярдных. Впрочем, таких в доме проживало совсем не много и претензий они не предъявляли. Ворчали, конечно, но в подушку. Выше этажом, прямо над квартирой Михаила как раз такой одну квартиру приобрел для себя любимого и однажды в два часа ночи на замечание

Михаила, потребовавшего убавить громкость и прекратить танцы, попробовал огрызнуться заявив:

– А ваши по утрам орут и топают,— дохнув Михаилу в лицо хорошим американским виски. «Белой лошастью» скорее всего, судя по конюшенным ароматам.

– Вот и ты, ори и топай утром,— Михаил вежливо соседа по плечу похлопал и с тех пор он мимо их квартиры ходит на цыпочках, а возмущается, накрыв голову подушкой.

Михаил спустился следом за сыновьями и заметил тех самых в «джинсе», которые опять прыгали вокруг скамейки в скверике напротив и очевидно утренняя осенняя прохлада им не нравилась. Чрезмерно бодрила, надо полагать. Заметил он и джип, который стоял, как и на записи, опять на углу, отражая в тонированных стеклах, бегущих в его сторону мальчишек. Запись повторялась, но теперь уже вживую. И, так же как и на мониторе, стекло тонированное уползло вниз, открыв взгляду сидящего за ним лысого. Лысый приветливо улыбался, и Михаил расслышал, как он крикнул:

– Эй, пацаны, привет!

Пашка с Петькой остановились и оба повернули головы в сторону джипа,— Здравствуйте,— хором ответили они и собрались бежать дальше, но лысый их остановил вопросом:

– Вы в 115-ю?

– Да,— опять хором ответили мальчишки.

– Я тоже. Садитесь, подвезу, пацаны,— и сто раз проинструктированные, предупрежденные, благоразумные и сооб-

разительные дети Михаила, охотно полезли в задние двери машины, гостеприимно распахнутые кем-то изнутри. Следом запрыгнули двое «джинсовых» и джип рванул с места.

– Лихо, – Михаил даже присвистнул. – Психологи, блин, – и щелкнув пальцами, не спеша пошел в сторону углового дома, за которым скрылся джип. От перекрестка он успел отъехать всего метров двадцать и торчал теперь с заглохшим движком. Водитель, открыв капот, плевался, поминая всех чертей, а Лысый ему что-то выговаривал, высунувшись чуть ли не по пояс со своей стороны.

Михаил дернул ручку задней дверки, но она оказалась заперта, и пришлось драть ее вместе с петлями. Лысый, увидев Михаила и, очевидно, узнавший его, юркнул в салон и успел поднять тонированное стекло. Однако, дверца, загремевшая об асфальт, и брызнувшая крошевом стекольным, заставила его попытаться удариться в бега через открытую водительскую, где он и замер, обняв пытающегося наоборот сесть за руль водилу. На заднем сиденье, как Михаил и ожидал, сидели двое в «джинсе» и его Петька с Пашкой. Им уже успели залепить скотчем рты и связать руки за спиной. Глаза у мальчишек были размером с пятаки, и когда Михаил рты у них разлепил, то оба в один голос заревели.

– Па-а-а-а. Мы больше не будем.

– Потом поговорим, после школы. Бегите, на уроки опоздаете. Это я вам проверку устроил. Ребята согласились подыграть. Сядете или не сядете к незнакомым людям. Пло-

хо выходит я вам объяснял. Дома поговорим, а сейчас марш в школу,— пацаны убежали, а Михаил сел на их место между «джинсовыми» и одному из них скомандовал:

— Дверцу подними и на место поставь,— тот безропотно выскочил, дверь искореженную подхватил и сел на место, закрыв проем бывшей дверью, как печной заслонкой.

— Вот так и держи. Остальным сесть на свои места,— лысый и водитель разлепились из боксерского клинча и сели на свои сиденья, в ожидание дальнейших команд.

— Судя по всему, ты «Шар бильярдный», тут главный, остальные «бойцы», докладывай. Кто, кем наняты?— лысый повернул голову в его сторону и захлебываясь, принялся излагать все, что ему известно.

— «Папа» позавчера дал команду присмотреться, а сегодня привезти пацанов,— закончил он.

— Папу твоего как зовут?

— Папу «Чирик» зовут.

— Куда велел мальчишек доставить?— лысый назвал адрес в пригороде Питера.

— Отстойное место. А сам Чинарик где сидит?

— Чирик сидит на Петроградке,— лысый почесал массивный нос и поправил галстук с заколкой в виде черепа. Череп был хоть и крохотный совсем, но из рыжего металла с алмазными глазками.

— У вас есть что добавить, братва?— Михаил ткнул локтями замерших рядом с ним субъектов в джинсовых костю-

мах. Оба дружно замотали отрицательно коротко-стриженными головами.— Тогда пошли вон из салона и забудьте про сегодняшний день. В кабак, а лучше куданибудь на «хазу» и неделю там сидите, пока деньги не кончатся,— Михаил сунул в руку одному из парней купюры.— Если экономно, то на неделю в самый раз, тут двадцать тысяч. Вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.